

Искорка

1972

газеты
«Ленинская
искорка» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Н О Я Б Р Ъ • 1972

год издания XVI

Семён НИКОЛАЕВ

У Т Р О М

Видит лес во сне
Былины, были,
Но не видит утра в тишине,
Словно разбудить его забыли —
Глубоко вздыхает лес во сне...
Но затрепетала вдруг осина,
Ветерок запутался в лесу!
Лось выводит на прогулку сына,
И лосёнок звучно пьёт росу.
Селезень «Вставайте!» крикнул
уткам.

Солнце гладит
лиственный навес.
С добрым утром,
Лес мой,
С добрым утром!
Полной грудью
Дышит добрый лес...

Перевёл с марийского
Сергей МАКАРОВ

Рис Г. Монсеевой

ЕСТЬ ТАКАЯ марка. Голубая, а на ней орден Александра Невского. Каждый коллекционер знает. Вышла она сразу после войны в большой серии «Ордена и медали Великой Отечественной войны». И так случилось, что вся эта серия у меня была, а голубого Александра Невского я проморгал. Хоть плачь. А всё из-за того, что в продажу марка поступила летом, а летом разве будешь часто забегать на почту: Волга под боком, рыбалка, лес, заброшенный кирпичный завод. Мало ли забот и удовольствий летом! Другое дело зимой: каждый день ходишь в школу и обратно, а почта как раз по пути.

Вот и прозевал. Что было делать?

— У Косача попроси, — посоветовал мне один из приятелей, тоже собиравший марки. — Он четыре штуки купил, я видел. Может, махнётесь на что-нибудь.

Пришлось идти к Косачу, к Вальке Кострову. Валька был на два года старше меня: я закончил первый класс, а он третий. Их дом стоял через улицу от нашего, чуть-чуть наискосок. Это сказать только — через улицу, а пройти от дома к дому было не так-то просто. Мешала огромная лужа. Она оставалась от весенних дождей. Если лето было засушливое, лужа понемногу высыхала и берега ее зарастали гусиной травой. В траве заводились лягушки, а по воде шустро сновали голенастые жучки-плавунцы. Машин они не боялись: шофёры объезжали нашу улицу стороной.

Если же летом случался дождь, лужа выходила из берегов и подступала к самым палисадникам. Даже трава скрывалась под водой. Началось всеобщее увлечение кораблями. Мы вырезали их из кусков осинової коры, тайком отковыривая её от огромных старых деревьев на кладбище. Складные ножи становились большой ценностью, на них можно было выменять всё, что угодно. Парусные фрегаты и бриги вдоль и поперёк бороздили мутную поверхность лужи. Мальчишки с ближних и дальних улиц, закатав штаны выше колен, часами не вылезали из воды, расплачиваясь за это жестокими цыпками на ногах и руках.

Потом кораблики надоедали, интерес к луже пропадал, а сама она опять начинала сохнуть и цвести зеленью.

Лужа мешала только взрослым, а нам, мальчишкам, это уличное море было в буквальном смысле по колено. Городок был небольшой, улица окраинная, и летом мы начисто отвыкали от обуви.

Домой к Вальке я заходить не смел, боялся его матери, Виктории Аркадьевны. Однажды около их калитки я столкнулся с Викторией Аркадьевной лицом к лицу. Она куда-то шла, нарядная, с покрашенными губами и с пёстрым зонтиком в руках.

— Тётъ Виктория, а Валя дома? — спросил я зачем-то,

хотя никаких дел к Вальке у меня не было. Просто растерялся от неожиданности.

Она остановилась, осмотрела меня с ног до головы и сказала:

— Во-первых, я тебе не тётя. А во-вторых, Валентин сейчас пишет изложение, и до пяти часов я запретила ему вставать из-за стола.

То, что Валька среди лета корпит над изложением, меня несколько не удивило. Виктория Аркадьевна, как говорили взрослые, муштровала своего сына. «В генералы хочет вывести», — сказала однажды наша соседка, тётя Поля. Да я и сам весной слышал через открытое окно, как ругала его мать за годовую четвёрку по русскому языку:

— Что я теперь отцу напишу? Что сын до ремесленного училища хочет докатиться? У станка всю жизнь стоять? Я тебе тысячу раз говорила: ты обязан быть отличником. Понимаешь: обязан! Пиши теперь сам, а у меня рука не поднимается...

Валькин отец был военным комендантом в каком-то городе. Оттуда он прислал в подарок Вальке альбом для марок. Огромный тяжёлый альбом из чёрного картона с аккуратными мешочками из слюды. Нам такие и не снились.

— Меняться не будешь, Вальк? — спросил я через улицу, дождавшись, когда тот появился у своей калитки. Вид у Вальки был сонный, мать

заставляла его спать после обеда. Глаза у него и вправду немного косили: мальчишки с некоторым злорадством поговаривали, что Вальку из-за этого не приняли в Суворовское училище. Был он рослый, толстый и белый, загар к нему совсем не приставал.

— А что у тебя есть? — нехотя спросил он. — Что мента-то собираешься?

— У меня новых восемь штук. Три немецких есть, полная серия.

Вообще-то серия была иранская — три разноцветные марки с портретом какого-то шаха. Но только что закончилась война с немцами, и всё нерусское у нас, мальчишек, ещё считалось немецким.

— На помойке где-нибудь подобрал?

— Зачем на помойке? — обиделся я. — С Петькой Давыдовым на противогазную резину махнулись.

— Ладно, давай, — снисходительно согласился Валька.

Я подтянул штаны повыше и побрёл через лужу.

— Вот она, — сказал я, — открывая самодельную тетрадку, сшитую из старого плаката, призывавшего защищать Москву до последней капли крови. Плакат принесла мне с завода мама, она работала там в инструментальном цехе табельщицей.

Валька хмуро и подозрительно осмотрел марки.

— «Полная», — презрительно хмыкнул он. — Это ты нашей кошке рассказывай. Полная двенадцать штук, понял?

В Саратове на Сенном рынке инвалид продавал. У меня рубля не хватило. Спрячь и никому не показывай, а то дураком обзовут.

Как я мог с ним спорить? Валька и вправду каждое лето ездил с матерью в Саратов и жил там по целому месяцу. А я был там всего один раз, когда мама везла меня от бабушки домой. С вокзала мы трамваем сразу поехали на пристань. Дело к тому же было поздно вечером. А в Саратове, говорят, в магазинах даже специальные отделы есть, где торгуют марками.

— Все три за одного Александра Невского, — неуверенно предложил я.

— Ты что, головой стукнулся? — уставился на меня Валька. — Полечись. Через три года на Александра Невского велосипед можно будет выменять.

— «Робинзона Крузо» впридачу дам. У него только обложка потёртая, а страницы целые.

— Читал, — пренебрежительно махнул он рукой. — Враки сплошные. В общем, — закончил Валька, — будет что-то стоящее — приходи, а по пустякам не дёргай, некогда мне. Договорились?..

Обескураженный, побрёл я назад. Век мне теперь не видать Александра Невского. Валька прав: чем больше пройдёт времени, тем реже будет встречаться эта марка. И коли уж я сейчас не смог её достать, то на будущее и рассчитывать нечего...

К вечеру из-за Волги поползли тяжёлые синие тучи, а ночью на город опрокинулся настоящий ливень с грозой и градом. Под него хорошо, крепко спалось. А когда я проснулся, через щели в разошедшихся ставнях пробивался яркий солнечный свет. Слышно было, как хлупает вода под ногами прохожих. Это возвращалась с завода ночная смена.

Лужа была великолепна, от неё веяло ночной прохладой. Никого из мальчишек здесь ещё не было, и я решил не терять зря времени, оставшегося до открытия уличной навигации. Нужно было испытать корабль на скорость и так раз-

Значит, мама уже ушла на работу. Я вскочил на ноги, быстро съел оставленный мамой завтрак и вытащил из-под кровати старый посылочный ящик, в котором хранилась вся моя флотилия. На первый раз я выбрал большой трёхмачтовый бриг, быстро оснастил его бумажными парусами и вышел на улицу.

вернуть его паруса, чтобы они улавливали малейшее дуновение ветра.

Я вошёл по колено в лужу и поставил бриг на воду. Он сначала покачался на месте, будто выбирая, в какую сторону плыть, потом наклонился на один борт и, разрезая носом воду, пошёл к Валькиному дому. Я побрёл было за ним,

но ближе к середине лужа становилась всё глубже. Пришлось обходить.

— Напрямую чесать — в коленях слаб? — услышал я Валькин голос.

Я стоял, склонившись над парусником, и не заметил, как появился Валька. Он был в блестящих резиновых сапогах. Сапоги ему тоже прислал отец.

— Не твоё дело, — огрызнулся я, вспомнив вчерашний разговор.

— В моряки метишь, а воды боишься, — сказал он насмешливо.

— Не твоё дело.

Я уже развернул паруса на фок-матче и теперь принялся за грот.

— Слушай, — сказал вдруг Валька миролюбиво. — Тебе что, Александр Невский позарез нужен?

Не разгибаясь, я исподлобья глянул на него. Нет, лицо у Вальки было серьёзным, глаза косовато смотрели на парусник.

— А что?

— Есть одно предложение. Согласен?

Сердце у меня запрыгало от радости. Уж не парусник ли ему приглянулся? Ведь хороший парусник, быстроходный. Вот была бы удача! Правда, корабликами Валька никогда не интересовался, называл это детской забавой. Ну а вдруг!..

— Какое предложение?

— А вот какое. Ты пройдёшь на самое глубокое место и окунёшься в лужу с головой. А я тебе — марку. Идёт?

Я был ошарашен. Зачем это

ему, чтоб я окунулся в лужу? Что ему с этого? А мне какво будет? Впрочем, что со мной-то случится? Майка и штаны до маминого прихода сто раз высохнут. Зато — Александр Невский. Новенький, голубой.

— Тащи марку.

— Притащить успеется. Ты что, не веришь?

Я верил, но не совсем.

— Дай честное пионерское.

— Честное пионерское, — торжественно произнёс Валька.

Я оставил бриг на волю ветра и с отчаянной решимостью ринулся на середину лужи.

— Тут? — спросил я, стоя в воде уже по самый пояс.

— А поправей — там не глубже?

Правей было не глубже.

— Ладно, давай, — великодушно согласился Валька.

Я воровато осмотрелся по сторонам. На улице никого не было, кроме нас двоих. Я зажал нос, вдохнул побольше воздуха и присел...

— Вот и спасибо, потешил, — сказал Валька. Я брёл к нему по луже, дурашливо улыбаясь. Мутная вода текла с меня ручьями.

— Марку сейчас прине-сёшь?

— Я что-то раздумал, — лениво ответил Валька и пошёл к своей калитке.

— Так ты же пионерское дал, — сказал я, холодея от страшной догадки.

Валька остановился и в упор посмотрел на меня.

— А я вовсе и не пионер, — ухмыльнулся он. — Не всту-

пил ещё. Ты что, видел меня в галстукe когда-нибудь? Нет? Тогда давай шуруй за своим кораблём, а то уплывёт в далёкие страны...

И он захлопнул за собой калитку.

С ЭТОЙ МИНУТЫ я стал усердно избегать встречи с Валькой. Я отлично представлял себе насмешливую улыбку, с которой он имел теперь право смотреть на меня. И хоть бы я взял с него просто честное слово, а то потребовал пионерское! А он и не пионер вовсе. Подступись к нему теперь! Ещё хорошо, если не расскажет кому из мальчишек. А может, рассказал уже?

И всю неделю, пока на луже длилась навигация, я просидел у себя во дворе, прислушиваясь из-за забора, не говорят ли обо мне мальчишки, не смеются ли...

Но рано или поздно, а встреча с Валькой была неизбежной, ведь мы учились в одной школе.

И вот наступило первое сентября. День был солнечный и жаркий. По школьным коридорам гуляли прохладные сквозняки, пахло масляной краской и свежевывытым полом. Гомон, смех, рассказы о летних приключениях. Кое-где уже бегали по партам.

А мне было невесело. Я прятался за спины товарищей и всё поглядывал в дальний конец коридора, где толпились четвероклассники. Там уже настраивали горн, барабанщик

отвыкшими руками пробовал выстукивать дробь. Вальки не было видно.

— Во двор, во двор, строиться! — загалдели по всему коридору.

Мы высыпали во двор и под руководством учителей построились вдоль пыльной беговой дорожки лицом к волейбольной площадке. На середину площадки вышел худой и высокий директор. Он был в штатском костюме, но с гвардейским значком на груди. Рядом с ним стояла старшая пионервожатая.

— Вынести пионерское знамя! — скомандовала она и подняла руку в салюте.

В дальнем конце строя хрипло запел горн, застучал барабан. Рядом со знаменосцем шли два ассистента в полной

пионерской форме. И вдруг в одном из ассистентов я узнал Вальку! Проходя мимо, он бросил на меня насторожённый взгляд, и его поднятая рука слегка дрогнула.

Я готов был выскочить из строя, догнать Вальку и вцепиться в него мёртвой хваткой.

Я плохо слышал, о чём говорил директор. Не отрываясь, я смотрел на Вальку, стоявшего у пионерского знамени. Ох, как я на него смотрел!..

Когда нас распустили, я сразу побежал к Валькиному классу, чтобы перехватить его по пути из пионерской комнаты. Вот его лицо мелькнуло в толпе, и я бросился к нему навстречу.

— Отдавай марку, гад!

— Что? — Валька попятился спиной к стене. — Какую марку?

— Продал пионерское? — У меня от гнева аж слёзы навернулись на глаза. — Отдавай марку!

— Меня только что приняли, понял? — Валька воровато оглядывался по сторонам. — Сегодня утром, понял? А за «гада», — зловеще пообещал он, — ты у меня в бинтах будешь ходить.

— Отдавай, и всё. Врёшь, что тебя сегодня приняли. Пойдём у вожатой спросим. Лучше отдавай, а то я всем расскажу.

— А что расскажешь? — спросил он злорадно. — Как ты в грязную лужу нырял? Вали, рассказывай.

— Расскажу, как ты за марку честное пионерское продал.

— А свидетели есть? — спросил он, нахально улыбаясь.

Свидетелей не было. Я растерянно молчал, не зная, что сказать. Валька воспользовался этим и, метнувшись в сторону, исчез в толпе.

ЧЕРЕЗ несколько дней вернулся наконец Валькин отец. Вскоре они перебрались на другую квартиру, в самый центр города. Валька стал ходить в другую школу. Мы встречались только мимоходом. При этом Валька делал вид, будто совсем меня не замечает. Каждый раз мне хотелось подойти к нему и продолжить наш разговор. Но для настоящего разговора у меня уже не хватало злости...

После десятого класса я поступил в мореходное училище. Потом плавал в разные страны, видел много интересного, встречался с разными людьми. В своём родном городе я не был целых семь лет, но из маминых писем многое знал о нём. Поэтому, приехав к маме погостить, я не удивился ни пятиэтажным домам, ни новой просторной набережной.

От лужи не осталось и следа: как раз по нашей улице город пересекала большая завожская автострада, по которой днём и ночью шли машины.

Мама по-прежнему работала на заводе.

— Теперь наш завод не узнать, — рассказывала она. —

Когда его в войну сюда эвакуировали, первое время станки под деревянными навесами стояли, на них миномётные стволы обтачивали. А теперь выпускаем топливные насосы для дизелей. Очень точная работа, в некоторые цехи пускают только в белых халатах. Да, — вдруг спохватилась она, — ты Вальку Кострова помнишь?

Еще бы мне было не помнить его!

— Он теперь главным технологом у нас. Валентин Васильевич. После института пришёл инженером в сборочный цех, а теперь вот главтехнологом стал. Деловой такой, серьёзный...

«Ну что ж, — подумал я, — ничего странного. Сколько лет прошло. Там были детские шалости, а теперь мы взрослые люди...»

С утра я уходил на Волгу загорать. Домой возвращался после полудня, когда солнце начинало нещадно жечь.

Однажды на набережной меня обогнала новенькая «Волга» и вдруг, скрипнув тормозами, остановилась. Распахнулась дверца, из машины высунулся громоздкий мужчина в голубой тенниске и уставился на меня чуть раскосыми глазами. Я узнал Вальку.

— Приветствую торговый флот, — с шутилой бодростью сказал он и слегка смутился. — Домой? Садись, подвезу.

— Спасибо, — сказал я как можно спокойней. — Я прогуляюсь.

Ни зла, ни обиды я не чувствовал, но ехать с ним в одной машине мне не хотелось.

Рис. П. Вискова

СТРАШНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

(Рассказ юннати)

Валерка у нас председатель. Он всё знает, всё умеет и даже к Яшеньке ходит.

Яшенька — это обезьяна-резус. Живёт резус в отдельной комнате. Там на двух столах у стены стоит большая клетка со спальным домиком. Но Яшенька только спит в ней, а так целый день гуляет по комнате. Я часто наблюдаю, как он глядит в смотровое окошечко под потолком. Раньше там окно было. Яшенька его разбил, забрался в соседнее помещение, взял ведро с водой, тряпку и давай пол мыть. Ну и «уборочку» сделал! Такой свинушник развёл, что мы потом всем кружком два часа за ним убрали. С тех пор окно забила досками и оставили только малюсенький глазочек, в который ему не пролезть. Он всё через него за нами подглядывает. Ох и свирепый! Мохнатый, с огромными клыками, а сильный какой! Как затрясёт свою клетку, так по всему дому грохот пойдёт!

А Валерку любит, ласкается к нему. Тот у него и убирает, и кормит его, даже на руках носит. Недаром Валерку председателем клуба юннатов выбрали.

Сегодня мы с Валеркой вдвоём остались мыть аквариумы. В доме — никого, только мы одни. Вот это здорово!

Помыли мы аквариумы, всё убрали, и вспомнила я, что у своих бельчат не была. А они такие забавные — рыженькие, пушистые!

Я и говорю: «Давай, Валерик, ещё побудем хоть немножко, я к Чуку и Геку заскочу». (Это я так своих бельчат назвала.) «Нет, — говорит, — меня мама ждёт».

Пошли мы уже вниз (наш КЮН на третьем этаже помещается), а мне так уходить не хочется, ну просто ни в какую! Валерка хоть и серьёзный, и деловой, но добрый. Стал он ключи доставать, а я ему: «Валерочка, позволь я ещё останусь! Не беспокойся! Свет, где надо, выключу, двери запру, ключи тётке Наташе снесу! Ты ей скажи, что я осталась бельчат накормить! Вот честное пионерское, — говорю, — всё будет в полном порядке!»

Уговорила. Закрыла за ним дверь, бегу в кружок, настроение — хоть пой! Я даже в коридоре сплясала немножко.

Комнаты все солнцем залиты — у нас окна на запад. Набрала в карманы передника кедровых орехов — и к бельчатам. Как они услышали мой голос — вылезли из домика, потягиваются, зевают, ну совсем ещё маленькие, дурашки! Прибежали ко мне на колени и всё вынюхивают: чуют орехи. Взрослые белки — и те у нас не кусаются, а уж эти — делай с ними что хочешь, вот я и не заметила,

как солнце ушло. Спихватилась и пошла смотреть время (часы у нас в канцелярии, в первом этаже).

В коридорах и на лестнице — полумрак, по углам какие-то тени, и как-то мне не по себе сделалось — всё-таки совсем одна! Шаги звучат гулко, и от этого ещё тревожнее. Даже противно: ведь в кружке и мыслей никаких не было, чего же трусить? Это же мой Дом пионеров, и ключи от него у меня в кармане. Валерик столько раз один оставался — и ничего!

Спустилась, подхожу к канцелярии и вдруг вижу: под лестницей, в мастерской, что рядом с выходной дверью, свет горит! Кто же это его зажёл? Сразу так жутко стало!.. Стою и не могу двинуться с места. Ведь обещала же я Валерику свет везде погасить, а тут боюсь: вдруг кто-нибудь чужой забрался?

И вот здесь... Даже вспомнить страшно... Из дверей мастерской выходит огромный дяденька! Я ему: «Кто вы?» А он молчит и идёт прямо ко мне. Тут я сразу почему-то маму вспомнила. Кошмар! С глаза на глаз с бандитом в пустом доме! Может быть, я даже закричала. Уж не помню как, а только одним духом добежала до кружка — и к Яшеньке! Из всех зверей только он мог защитить — он самый сильный, самый злой! Влетела к нему и сразу за клетку,

а он брови нахмурил и только было ко мне пошёл, как вдруг прислушался и прыг на своё смотровое окошко. Тут я и услышала шаги.

Вдруг дверь распахнулась, а на пороге — дяденька огромный, страшный! Да только не успел шага сделать, как Яшенька бабах ему на плечи, зубы оскалил и цокает (это он всегда так, когда злится).

Как мой бандит шарахнется назад! И тут такое началось!.. Стук, ругань, слышу — грохнулось что-то тяжёлое, дзинь, бам! Что-то разбили вдребезги и вдруг: бах! бах! бах! — один выстрел за другим, а потом тишина! И от этой тишины ещё страшнее стало. Руки и ноги затекли, платье к спине прилипло, и шелохнуться боюсь.

Неожиданно в дверях появляется Яшенька, такой важный, как наш бухгалтер, и в руках у него что-то зелёное. Он несколько раз понюхал это зелёное — да и в рот.

Смотрю — глазам не верю: Яшенька — живой, невредимый, в такой свалке одолел — и кого? Прыгнул он ко мне на колени, нахально обшарил мои карманы, перегрузил все кедровые орешки себе в защёчные мешки (сразу у него надулись две груши). Потом спокойно махнул на клетку, сидит, орешки лузгает и скорлупой плюётся. Вот герой, думаю, и сама приободрилась. Вылезла из-за клетки, дверь шваброй подперла.

Да, положение!.. Окно не открыть — в нишу окна сетчатая рама врезана, кричать — никого не дозовёшься, а выйти?.. Кажется, ни за какие коврижки я не согласилась бы выйти. Буду так сидеть до утра, пока наши юннаты придут, у тётки Наташи вторые ключи от дома есть. Вот только мама будет очень беспокоиться, да ведь и мама поймёт, когда всё узнает...

Но что это? Опять шаги, только такие тихие, несмелые. В коридоре скрипнула дверь, и вдруг послышался голос тётки Наташи. Меня зовёт: «Люся! Люся!» Я ей кричу: «Я здесь!» — «А обезьяна где?» — «Со мной», — отвечаю, а она: «Иди сюда скорей, да смотри своего лешего не выпусти!»

Уж как я обрадовалась тёте Наташе! Всё ей про бандита и про их схватку с Яшенькой рассказываю, да только она как-то странно смотрит на меня, да так строго, мне даже обидно стало. «Вот честное пионерское, не вру!» — говорю, а она мне: «Бандит, говоришь? Да это наш столяр. Он мебель в мастерской чинил, только собрался домой идти, а тут — ты. Чего же ты от него как коза понеслась? Да ещё визжала дурным голосом. Он хотел тебя успокоить, а ты на него своего Яшку напустила. Этот леший ему ворот от рубахи оторвал и руку прокусил!» — «Зачем же, — говорю, — если он столяр, то в Яшеньку стрелял?» Тут тётка Наташа совсем рассердилась: «Бандит, — говорит, — твой Яшенька, полюбуйся на его работу!» — и показала мне на аквариумы, которые мы с Валеркой мыли. Глянула я: ну и разгром! Стёкла, что покрывали аквариумы, разбиты, всё перевёрнуто, раскидано, и три патрона от лампочек пустые болтаются. Так вот это — бах, бах, бах! В луже на полу пучок водорослей. Посмотрела я на них и вспомнила то «зелёное», что Яшенька принёс, а потом съел. Нечего сказать — герой!..

Эх, что за человек этот столяр оказался: и стеклорез, и монтёр, да быстрый такой, даром что с прокушенной рукой! Мы с тёткой Наташей только стёкла из аквариумов повыбирали, глядим, — а у него уже всё готово. А я-то перетрусила: бандит!

Зато теперь я всегда к Яшеньке хожу, и странное дело, хоть и знаю, что он тогда только шкodu в коридоре устроил, но в душе живёт такое чувство, точно он меня спас когда-то.

Владимир ОРЛОВ

ПОД УТРО

Вечер тихий
И морозный,
Только снега
Нет и нет!
За окном —
Включили звёзды,
В доме —
Выключили свет.
Из-за леса
Туча вышла.
Дом притих
И замолчал.
Ночью кто-то
Еле слышно
В окна лапками
Стучал.
А под утро,
В серебристой,
В белоснежной
Тишине,
Кто-то чистый
И пушистый
На моём лежал
Окне.

ЗИМНИЕ СНЫ

Свистят
Одичавшие ветры,
Метелям просторы
Тесны.
И снегом усыпаны
Ветви,
Как цветом
Во время весны.
И снится деревьям,
Как будто
Весенняя тает

звезда,

И славит
Апрельское утро
Высокая флейта
Дрозда.
И тянутся к солнцу
Тычинки,
И капли на ветках
Дрожат,
И в небе кружат
Не снежинки,
А жёлтые пчёлы
Кружат.
Но солнце укрыто
Метелью,
И где-то в дороге
Весна,
И только в начале
Апреля
Очнутся деревья
От сна.
Разбудят их
Вешние ветры
Среди голубой
Кутерьмы...
И цветом покроются
Ветви,
Как снегом
Во время зимы.

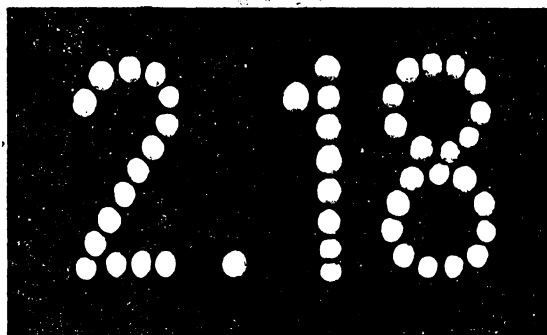
ПОСЛЕ ДОЖДА

Дождь прошёл,
Утихли ветры.
И во время тишины
Незаметно —

незаметно

Снег спустился
С вышины.
Больше улицы
Не моknут —
Снег сверкает
До того,
Что ветра
Никак не могут
Надышаться на него!

Рис. Г. Моисеевой

У Валерия Смольникова всегда вызывало улыбку это название: Олимпийская деревня. Неплохая деревушка! Модные стройные дома из стекла и камня, в каждом номере — ванная, кондиционированный воздух. На каждом этаже, в холле, телефон-автомат: бросишь несколько монеток и говори с Парижем или Москвой, Токио или Лондоном. А если ненароком кинул лишнее, автомат тотчас выдаст тебе сдачу.

Валерий прошёл по дорожке, с двух сторон густо обсаженной громадными ярко-алыми тюльпанами, — казалось, дорожка объята пламенем, — и сел на скамейку возле фонтана. Это место он ещё вчера облюбовал: тут была тень, и многоструйный фонтан сеял мельчайшую водяную пыль. Незримая, она приятно увлажняла знойный воздух.

Едва Валерий сел, мысли сразу вернулись к предстоящему. Да, послезавтра прыгуны вступят в бой.

Чем он кончится?

В этом году лучшим результатом Валерия было два метра двадцать два сантиметра. Не рекорд, но всё-таки неплохо. Честно говоря, даже очень неплохо. Однако удастся ли сейчас повторить эти два двадцать два?

У Олимпиады свои законы. Каждый опытный спортсмен знает: Олимпийские игры — состязание необычное. Здесь побеждает лишь особо сильный духом. Да, Олимпиада — это, в первую очередь, проверка стойкости, твёрдости, проверка характера. На изгиб и на излом.

Тренер поэтому не раз твердил Валерию, что у него — отличные шансы. Всем соперникам известно: Валерий не теряется при первой и даже второй неудачной попытке. Наоборот: неудачи как бы подхлестывают его. Именно в тот момент, когда всё висит на волоске, когда слабый духом трепещет и теряет остатки самообладания, именно в эти страшные минуты Валерий умеет предельно собраться и

вложить всего себя в третий, решающий прыжок.

Валерий задумался, даже не заметил, как к скамейке кто-то подошёл.

— Хелло, мистер Смольникоф! — вдруг услышал он.

Неподалёку стоял Дик Тювас, огромный, улыбающийся, и поднятой, вытянутой вперёд рукой весело приветствовал его.

Сколько ни встречался с Тювасом Валерий, тот всегда улыбался. Казалось, улыбка — такая же постоянная деталь его лица, как большие серые глаза или густые брови.

Был он длинноногий, высокий, как все прыгуны. Но в отличие от них — обычно тощих — Тювас был плотным и, похлопывая себя по животу, не раз весело сообщал окружающим:

— Восемьдесят шесть килограммов!

Солидный вес, однако, не помешал ему стать одним из лучших в мире прыгунов.

Тювас нравился Смольникову. Нравилась его вечная улыбка, его лёгкая дружеская манера вести разговор. И хотя они были, пожалуй, главными претендентами на золотую медаль, Смольников не чувствовал неприязни к Тювасу. Да, ничего не скажешь, — симпатичный парень. Такому и проиграть не обидно. Хотя... Брось, не лукавь... Проигрывать всегда не сладко.

Они поговорили о том, о сём. Беседовать было трудно. Тювас знал по-русски всего не-

сколько слов: «хорошо», «дайте, пожалуйста», «сколько стоит» и ещё почему-то — «скатертью дорожка». Это последнее выражение он не очень точно понимал, но употреблял через каждые три-четыре фразы. И сам первый громко хохотал, обеими руками хлопая себя по бёдрам.

Хорошо хоть Смольников немного знал английский. Сколько раз уже Валерий ругал себя, что в институте не налёг на него как следует.

Так они и сидели на скамейке, беседуя. Недостающие слова заменялись улыбками и жестами. Но в общем они неплохо понимали друг друга.

— Приходи к нам на тренировку, — прощаясь, пригласил Валерий.

— О! Это есть хорошо! — воскликнул Тювас.

Потом смешно прищурился, сморщив свой крупный, как слива, нос.

— А тренер мне... — он хлопнул ребром ладони себя по шее. — Нет? Не скажет — скатертью дорожка?

— Нет, нет! — засмеялся Валерий. — Приходи.

Тювас опять отсалютовал вытянутой рукой и ушёл.

А Валерий подумал:

«Может, Григорию Денисовичу и впрямь не понравится моё приглашение?»

Он забеспокоился и стал разыскивать тренера.

— Вообще-то, — сказал Григорий Денисович, — не мешало бы наоборот: сперва со мной согласовать, а потом уж приглашать. — Он исподлобья

оглядел Валерия. — Ну, раз уж позвал...

— Хороший парень, — как бы оправдываясь, пробормотал Валерий.

— Может, и хороший, — согласился тренер. — Но тебя-то к себе на тренировку не позвал? Так? Вот все они такие, хорошие. Свои секреты пуше глаза берегут.

Под вечер, в отведённое для советских прыгунов время, Тювас пришёл в зал.

— Можно? — спросил он.

— Пожалуйста, — Григорий Денисович пожал ему руку.

Дик Тювас быстро перезнакомился со всеми. И с прыгунами, и с врачом, и с массажистом. Впрочем, почти всех он уже знал: не раз встречались на состязаниях. Классных прыгунов не так-то уж много на планете.

На груди у Тюваса висел киноаппарат.

«Вот это уж зря», — подумал Смольников. Но ничего не сказал Дик.

Тренировка продолжалась. Григорий Денисович вёл её как всегда. Будто и не было в зале американца.

Дик немного понаблюдал, потом подошёл к Смольникову.

— Там, за дверью, Рассел Смит, — смущённо сказал он. — Можно?

Валерий поднял брови. Вот это номер! Повернулся к тренеру: как быть?

— Ну, раз уж пришёл... — развёл руками тот.

Тювас крикнул, и в зал вошёл высокий юноша негр. В американской команде все

прыгуны были негры. Только Тювас — белый.

У Смита на груди тоже болтался киноаппарат. Вскоре он нацелил объектив на Смольникова. Камера мягко застрекотала.

Григорий Денисович посмотрел на него. Хотел, видимо, что-то сказать, но промолчал.

Камера продолжала негромко жужжать.

Из зала перешли на поле стадиона. Начались прыжки.

Гости пробыли до конца тренировки. А когда прощались, Тювас сказал:

— Завтра прошу к нам.

Смольников и Григорий Денисович переглянулись. Это в каком же смысле?

— В гости? — уточнил Смольников.

— Ага, в гости, — подтвердил Тювас. И, увидев разочарованные лица советских прыгунов, добавил: — На тренировку.

Они ушли, а Смольников аж в ладоши хлопал.

— Я ж говорил! Мировой парень! И никаких тебе секретов! Они к нам, мы — к ним! Всё честно.

В ГОСТИ к американцам пошли втроём: Григорий Денисович, Валерий Смольников и ещё один прыгун — Митя Свистун (это не кличка, к сожалению, это — фамилия, доставлявшая парню много неприятных минут).

Встретили их радушно. Дик Тювас, едва увидел гостей, заспешил навстречу, и на лице

его сверкала самая белозубая из всех его улыбок.

Тренер Симон Гриффитс, в прошлом известный легкоатлет, а ныне — воспитатель всех американских прыгунов, знаменитый Папаша Симон, тоже оказался очень приветливым.

Говорить было легко: Григорий Денисович свободно владел английским и служил переводчиком сразу для всех.

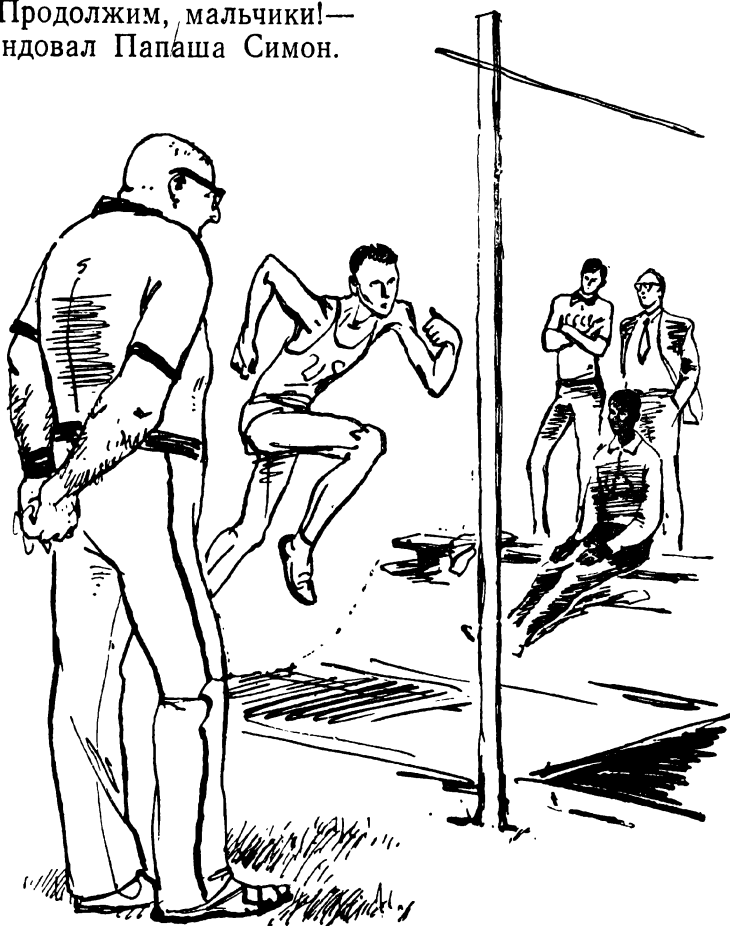
Впрочем, много говорить никто не стремился: не для разговоров пришли сюда советские спортсмены. И это без слов понимали все, и хозяева, и гости.

— Продолжим, мальчики! — скомандовал Папаша Симон.

Смольников и его товарищи не взяли с собой кинокамер. Неловко как-то — сразу, с ходу, снимать. Но смотрели во все глаза. Каждая, даже самая пустяковая мелочь в тренировке противника, та «ерундовинка», которая не вызвала бы никакого интереса у обычного зрителя, не ускользала от их цепких глаз.

Вот Дик Тювас, лёжа на спине, выжимает ногами штангу. Вес — 160 килограммов.

Наши переглядываются. У тренеров-теоретиков давно

идёт спор: лучше ли работать с большими весами или средними? Тювас явно предпочитает большие.

А вот Рассел Смит делает серию приседаний и подскоков на одной ноге.

— Ну, мальчики, теперь прыгаем! — распорядился Папаша Симон.

Начиналось самое интересное.

Перешли в сектор для прыжков.

Сперва поставили метр семьдесят, вскоре планка перешагнула уже за два метра.

Григорий Денисович, Смольников и Свистун смотрели неотрывно.

Два метра четыре сантиметра... Два метра шесть...

Свистун покачал головой. Два метра десять был его лучший прыжок, а Тювас и Смит взяли эту высоту легко, словно бы шутя.

Свистун поглядел на Смольникова. Тот пожал плечами. Да... Всё ясно...

— Внимание! — воскликнул Папаша Симон. — Два восемнадцать!

Он сам подошёл к яме и поднял планку.

— Два восемнадцать, — повторил он. — Тебе это не по зубам, Рассел. Ну, Дик, мы ждём!

Дик Тювас неторопливо, мелкими шажками, аккуратно приставляя пятку одной ноги к носку другой, отмерил разбег, провёл носком туфли черту и стал возле неё, опустив руки, весь расслабившись. Ли-

цо у него сделалось чуть грустным и отрешённым, словно думал он о чём-то далёком и важном: о своей покойной матери, или о том, как он в детстве тонул, или о давнем своём путешествии с отцом по Африке.

Потом он поднял голову, взглянул на планку, вздёрнутую чудовищно высоко, и словно бы прицелился.

Рванулся с места, всё ускоряя шаги... Тело его взмыло вверх. Казалось, он всё же не достанет, не перейдёт планку. Однако он распластался в воздухе, тело его на миг словно повисло, замерло, нарушив все законы земного притяжения, и вдруг мягко перекатилось через планку.

Всё это произошло так стремительно!.. И так легко! Слово Дикю вовсе не составило труда взять высоту.

Два восемнадцать! Смольников хмуро поглядел на Григория Денисовича.

Правда, у самого Смольникова лучший результат в этом году был два двадцать два. Но ведь то — его личный рекорд! А рекорды, как известно, не каждый день пекут. А тут — запросто, так, на обычной тренировке, — два восемнадцать!

Сколько же он на состязании покажет?! Там ведь он соберёт все силы, выложит всего себя...

— Повтори! — крикнул Папаша Симон.

И Дик снова вышел к черте. Опять он опустил голову, сосредоточиваясь. Опять тело

его взмыло ввысь. И опять казалось — нет, ему ни за что не перейти планку. Но он сделал какое-то неуловимо быстрое движение, словно бы оттолкнулся от самого воздуха. И мягко, по-кошачьи, перекатился через планку.

Потом гости ещё посидели на стадионе. Говорили о всяком-разном, только не о завтрашней встрече. Этой темы все дружно избегали. Будто завтра и не предстоял им олимпийский поединок, короткая схватка, к которой они готовились четыре длинных года.

Смольников вернулся в свой номер хмурый.

Нет, он не зелёный новичок. Валеру Смольникова, обстрелянного в десятках состязаний, трудно было выбить из седла. И всё-таки, честно говоря, эти два восемнадцать потрясли его.

Два восемнадцать! И, главное, — с такой лёгкостью.

Как же быть завтра?

Он понимал: завтра потребуются всё его спокойствие, вся выдержка и хладнокровие. Но где их взять, когда эти проклятые два восемнадцать торчали в мозгу, как заноза.

Как строить завтрашний поединок? Что противопоставить Тювасу?

Он лёг, не раздеваясь, на кровать. Лежал и думал. Но мысли были всё какие-то суетливые, ненужные.

То вспоминалось почему-то, как первый раз выстрелил он из отцовской двустволки. Двенадцатилетний Валера тогда очень старался попасть, долго целил в стоявшую на пенёке

ржавую консервную банку. Но, наверно, от слишком долгого напряжения, а может, ещё по какой-то причине, когда он нажал на крючок, и приклад упруго толкнул его в плечо, банка продолжала стоять, целая и невредимая, а их пёс Марат, находившийся метрах в пяти справа от цели, вдруг заскулил и, хромая, ринулся прочь: дробинка угодила ему в лапу.

Потом вдруг всплыл перед глазами экзамен по сопромату. Из тридцати шести билетов он не знал одного, восьмого.

Его товарищ, Димка Горев, быстро подсчитал, что по теории вероятности беспокоиться абсолютно нет оснований: вытащить нежелательный билет почти невозможно.

Но Валерий совершил-таки невозможное: выудил из целой пачки именно этот несчастный восьмой билет.

Вообще почему-то сейчас косяком лезли в голову все горести и беды, приключившиеся с ним в жизни.

А потом вспомнилось, как однажды он, мальчишкой, учась в спортшколе, прыгнул через верёвку с мокрым бельём. Мамаша так испугалась, что даже опрокинула корыто с водой.

Он вообще тогда всё время прыгал, не только на тренировках. Спускался с лестницы, прыгая через несколько ступенек. Прыгал через заборы, до смерти пугая тёток на огородах. Даже в постель он не ложился, а прыгал.

Сколько же он сделал всяческих прыжков? Однажды вместе с Григорием Денисовичем прикинули, приблизительно, конечно. И получилось жуткое число — девяносто тысяч! Он не поверил и потом дома, один, снова пересчитал. И снова получилось — девяносто тысяч.

Да, и всё для того, чтобы не дрожали колени перед высоко вознесённой планкой. А теперь вот этот Тювас...

«Ладно. А ужинать всё-таки надо», — подумал он. Встал, вышел в коридор и постучал в соседний номер, к Григорию Денисовичу.

Тренер поглядел на него испытующе:

— Ну и как?

— Что как? — переспросил Валерий. Помолчал и хмуро

добавил: — Два восемнадцать — не шуточки.

— Не шуточки, — подтвердил тренер.

Он задумчиво посмотрел в окно. Там лезли прямо в комнату косматые лапы какого-то незнакомого дерева. Толстый ствол его был как войлоком укутан. А ветки утыканы зелёными, мягкими, как шёлк, иголками.

Потом посмотрел на Валерия. Внимательно, будто видел ученика впервые. У Валерия длинные ноги, узкие бёдра и вся фигура истинно «прыжковая». Такая лёгкая, будто весь он — на пружинах. И в любую минуту может «выстрелить» себя под потолок.

— А знаешь, — сказал Григорий Денисович, — некоторые на тренировках показывают

куда лучшие сантиметры, чем на соревнованиях. На тренировке — оно вольней, раскованней. Может, и Тювас — из этой породы?

Валерий пожал плечами.

Он, конечно, сразу раскусил немудрёную хитрость Григория Денисовича. Ну что ж — тренер... Тренеру положено вселять бодрость в ученика. Всегда. В любых, самых скверных обстоятельствах. Наверно, и сам он, если был бы тренером, вот так же, спокойно и уверенно, вдалбливал прыгуну, что волноваться нет причин.

— Твоя задача простая, — продолжал Григорий Денисович. — Покажи свои два двадцать два. И всё. Ну, а Тювас... Может, он и два восемнадцать не потянет. Это ведь Олимпиада — не тренировка. Тут, брат, всё решают нервы, воля. Ну, а воли тебе не занимать. Помнишь, как ты Рыжова сломил? Вот то-то...

Он задумался, снова глядя на косматые мягкие лапы в окне.

→ Странно, — в раздумье продолжал он. — Когда Тювас так прибавил? Помнишь, в Париже он показал два семнадцать — и баста. А раньше — и того меньше — два десять, два двенадцать. И вдруг — такой скачок.

Валерий качнул головой.

→ Париж — это же год назад. За год можно и подрасти.

— Можно, конечно, — согласился Григорий Денисович. Они замолчали.

— Ну, ужинать, — сказал тренер и встал.

Встал и Валерий. Они уже вышли в коридор, когда услышали: в номере звонит телефон. Они остановились. Телефон звонил пронзительно.

Тренер вернулся.

— Кто? Кто говорит? — по-английски переспросил он, и Валерий видел, как губы у него сжались в тонкую полоску.

— Друг? — повторил он и удивлённо посмотрел на Валерия. — А точнее нельзя?

В трубке застрекотало, и Валерий даже на расстоянии услышал, как мужской голос что-то торопливо объяснял.

— Обманули? — Григорий Денисович весь напрягся. — Как это?

Голос в трубке вновь зачистил, заторопился.

— Так, — вдруг совершенно спокойно сказал Григорий Денисович. — Так. Всё понятно.

Он отнял трубку от уха — в ней пели частые гудки, — неторопливо положил её и повернулся к Валерию.

— Ясно? — Глаза его были злыми и насмешливыми сразу.

Валерий глядел удивлённо. Что случилось?

— Нас обманули, как слепых котят, — сказал тренер. — Этот таинственный друг, — он ткнул рукой в трубку, — говорит, что планка стояла два метра десять! Понял? Десять, а не восемнадцать!

Валерий молчал. Чёрт побери! Как просто. И как подло! Да, лишить покоя, уверенности...

— А кто звонил? — спросил он. Помолчал в раздумье. — Не Рассел Смит?

Ему как-то сразу понравился молодой негр.

Тренер развёл руками.

— Не исключено. Хотя... Вряд ли... Но Папаша-то! Папаша Симон! Такой симпатичный! Такой ласковый! Ну и пройдоха! Ну и подлец! Придумал же — психологический нокаут.

— Да! — Валерий засмеял-

ся. — Ничего не скажешь: психолог!

С души сразу как камень свалился. Сердце стучало чётко и свободно. И казалось, начнись состязания вот сейчас, сию минуту, — он взял бы и два двадцать и два двадцать пять, а может, и мировой рекорд побил бы.

«Ну, держись, Тювас! — с радостной яростью и азартом подумал Валерий. — Завтра встретимся!»

Наталия ЮРКОВА

Облако

Белое облако
В воздухе плыло,
В небе,
Над лесом повиснув,
Застыло...
Может, лучи,
Перепутавшись в нём,
К солнцу его
Привязали узлом?
Или в лесу
Зацепила иголкой
Лёгкое облако
Старая ёлка?
Может, оно
Над прозрачным
ручьём
Смотрится в воду,
А ель ни при чём?
Или на облаке
Спит ветерок?
Тучи прогнал он,
Устал и прилёг.

Рис. Ю. Шабанова

НА МАЯКЕ

Маяк этот стоит недалеко от устья реки Свири, по другую сторону Ладожского озера, если направляться на каком-нибудь водном транспорте от Ленинграда. Однажды я зажёл на нём огонь.

Сначала я поднялся на речном трамвайчике до Петрокрепости, а там пошёл к начальнику порта проситься на попутную самоходную баржу. Начальник долго не соглашался, но потом, узнав, что я по делу, дал разрешение и посоветовал сесть на «Березину», которая как раз в это время направлялась из Ленинграда в Астрахань за арбузами. В Петрокрепости «Березина» должна была остановиться, взять кое-какие нужные вещи и разрешение на выход в озеро.

Я и не думал, что Ладога может быть беспокойной и коварной, как самое настоящее море. Есть даже кое-что в ней пострашнее, чем в море: озеро вскипает внезапно, волны порой бегут не однообразными ровными рядами, а как будто вкривь и вкось, да ещё с завихрениями, так что судно раскачивается во все стороны, если не выбрать вовремя правильный курс. Капитаны уважительно и с почтением относятся к ладожской воде.

На «Березине» капитаном был Петр Семёнович Смирнов. Он совсем недавно закончил специальное речное училище, и ему, как лучшему ученику, почти сразу же после экзаменов доверили быстроходное судно.

Вся команда на нём была молодой: и механик, и матросы, и старший помощник капитана, и радист. Так что молодо, весело было в рейсах на «Березине». И ещё очень дружно. Команда хорошо справлялась со всеми заданиями, со всеми сложностями речной службы и с каверзными проделками непогоды. А непогода в наших краях, как известно, куда чаще бывает, чем погода.

Ладога уже начинала раскачивать свои волны, метеосводка тоже не радовала, а к ночи ожидался просто-напросто шторм. Небольшой, но всё-таки вполне серьёзный. «Березине» нужно было стоять на приколе, пережидать, а это нарушало все планы команды и все планы многих и многих людей: ведь в Астрахани ждали уже сорванные и сложенные в кучу арбузы, они могли перезреть и не достаться никому ни там, где их слишком много, ни тут, в Ленинграде, где их всегда оказывается слишком мало.

Но правила есть правила, и нужно их придерживаться, чтобы не подвергать слишком большой опасности ни людей, ни судно. И начальник порта радировал капитану «Березины»: мол, придётся подождать. Сколько ждать, неизвестно. Может, сутки, а может, и двое, пока озеро успокоится. Двое суток! Это же невероятно большой срок простоя в разгаре работы. Все измучаются в ожидании: и капитан, и команда, и начальник порта, и все, кто в Астрахани ждёт, отправки своего спелого вкусного товара.

Петр Семёнович, капитан самоходки, оказался решительным, настойчивым и хитроумным человеком: на все лады стал он уговаривать начальника порта. Долго уговаривал. Уж каких только доводов он не приводил!

Я тоже, как мог, помогал капитану: очень уж не хотелось мне медленно тащиться вокруг Ладоги по каналам от шлюза к шлюзу, чтобы попасть куда я хочу. Да и на самоходной барже мне ни разу не приходилось бывать, и ещё ни разу я не раскачивался на волнах озера, которое было мне знакомо с детства.

Теперь уж не помню, что помогло, какими доводами капитан убедил начальника порта, только оказалось, что нет правил без исключения: нам всё же удалось отправиться дальше, от начала Невы к реке Свири, от Петрокрепости к посёлку Свирица.

Белые ночи уже давно кончились, и нам пришлось идти по Ладоге в темноте. Только странный белёсый свет исходил от самой воды, может быть, от пенистых гребней волн, или это светились какие-нибудь микроорганизмы, или это лишь мне одному, только так показалось, что над водой, кипящей как суп, какой-то свет.

Я стоял рядом с капитаном невдалеке от штурвала. Традиционная ночная вахта капитана была самой сложной, а особенно теперь, когда нужно рассекать волны и держать верный курс, чтобы не сесть где-нибудь на мель и совершенно точно оказаться в устье Свири. Там конец болтанки, тишина и неторопливое скольжение дальше, каким бы ни был встречный ветер.

Я смотрел то на волны, то на длинную, задраенную палубу нашего судна, на его нос, вдруг падающий вниз, а потом внезапно взлетающий вверх, окутанный брызгами и пеной, то вглядывался я в непроницаемое ветреное небо, то смотрел на спокойное, загорелое и мужественное лицо капитана. Настоящим морским волком казался он мне в своей форменной фуражке с «крабом», в синем кителе с нашивками на рукавах.

Мы молчали. Капитан всё время смотрел куда-то по курсу судна и ждал чего-то. И вдруг обрадованно сказал:

— Вот он. Всё в порядке. Подмигивает справа по курсу.

— Кто? — удивился я.

— Маяк, — коротко и обрадованно сказал капитан. — Свирский маяк, — пояснил он.

— Где это, где? — огорчился я, не видя ничего в темноте.

— Да вон же, вон! Сейчас снова моргнул.

Ничего я не мог увидеть и ещё больше расстроился. Что я за слеподыр. Неужели только капитану дано видеть этот быстрый и яркий свет? Стал вглядываться изо всех сил. Нас качало, взлетали мы вверх и вниз, попробуй тут различить что-нибудь. И вдруг словно коротенький блеск молнии. Прямо в глаза луч света. Далёкий, но яркий и острый. Там берег. Туда нельзя! Там отмели. Там стоит высоченная башня, и вот её огонь летит к нам тревогой и спасением. Туда нельзя!

— Теперь вижу! — чуть не закричал я. И с удивлением спросил капитана: — А неужели вы не можете идти по приборам? Ведь такая теперь техника.

— Техника техникой, — улыбнулся капитан, — а маяк маяком. Тут уж не зазеваешься. Пройдёшь с точностью до сантиметра.

— А там, на маяке, работает автоматика? — поинтересовался я.

— Автоматика-то автоматика, да вот следит за ней один хороший человек, дед Андрей. Он и в войну тут был, когда нужно было зажигать керосиновую лампу, и до войны, и теперь вот каждый вечер поднимается по ступенькам. А их там порядочно: выше двенадцатэтажного дома тот маяк. Подниматься непросто, а дед вот ещё ни разу не забыл зажечь этот огонь. Сидит на своём острове возле маяка и никуда оттуда не хочет. Его тут все знают.

— Неужели он там один всю жизнь? — удивился я.

— Да нет, не один. Вместе с женой. Дети приезжают на лето, привозят внуков. Там, говорят, раздолье. Самому бывать не приходилось, только издали видел, а вот рассказывать об этом рассказывали многие.

— Эх, побывать бы там, — загорелся я. — Хоть ненадолго бы. Никогда не поднимался на маяк.

— Туда без разрешения не пустят, — откликнулся капитан и, вспомнив недавнее своё нарушение правил, сказал с улыбкой: — Если только очень попроситься, может, и сговориться.

И я решил сговориться во что бы то ни стало. Под утро мы перешли Ладогу, и я увидел посёлок на берегу: деревянные дома с крышами, покрытыми дранкой. Тонкие щепы казались обсыпанными пеплом — это дерево побурело от времени, а может быть, оно впитало в себя дожди, или водяную ладожскую пыль, или его неголубой, суровый цвет. Самолодка подошла к маленькой временной пристани, высадила меня, прощально взвыла сирена, и я остался на берегу.

Мне повезло. Я недолго искал лодочника, который согласился подбросить меня к деду Андрею.

Резво тархтел маленький моторчик, лёгкая лодочка быстро шла навстречу уже невысокой волне, огибала камыши, мыски и бухточки — мы приближались к острову. И тут я уже в который раз испытал ни с чем не сравнимое волнение, приближаясь к земле, ограждённой со всех сторон водой.

С детства я любил острова, люблю и теперь. Они манили меня своей загадочностью, необычайностью, тем, во что пусть никто не поверит, а я вот хотел и хочу верить. А вдруг там какая-то совсем иная жизнь, совсем не похожая на то, что я видел и вижу? А вдруг там индейцы, о которых я читал у Фенимора Купера? Или сохранились ещё динозавры, или обитают такие дикие существа, о которых никто и не догадывается на обычной нашей большой земле, — ведь остров отделён, отделён водой. Ну что за диво — эти острова! Мне хотелось быть капитаном хотя бы только для того, чтобы увидеть когда-нибудь на рас-

свете тоже с детства знакомый по названию остров Ямайка или Сицилия, или целые архипелаги островов: Фиджи, Азоры... Я и в небо-то смотрю порой с мыслью о том, что далёкие звёзды потому так удивительны и загадочны для меня, что они ведь тоже лишь островки в безбрежном океане времени и пространства.

И вот, покачиваясь на лодочке, я с волнением видел в общем-то ничем не примечательный островок, на котором торжественно и, я бы даже сказал, величаво возвышалась полосатая башня — Свирский маяк. Он стоял на возвышении почти у самой воды. Невдалеке просторный каменный дом, а дальше тёмный сосновый лес.

Лодочка направилась к мосткам, они довольно далеко уходили от острова в озеро. От маяка по тропе, тоже к мосткам, торопилась какая-то пожилая женщина с вёдрами на коромысле.

— Это жена маячника Анна Ивановна, — сказал мне лодочник, крепкий, загорелый, словно бы пропитанный солнцем мужчина. — У них тут корова, кур полно и уток. Утки дикие. Нашёл дед выводок и не отпустил, одомашнил. Теперь уж сами не летят. В четвёртом, а то и в пятом поколении. Привыкли к дому.

Меня удивил этот выводок, но ещё больше я удивился тому, что много людей хорошо знают о жизни на этом, казалось бы, нарочно отдалённом от всех острове.

Анна Ивановна не черпала воду, стояла и смотрела на нас, статная, в ярком платке и в переднике поверх пыльного платья. Мы подошли, поздоровались, выпрыгнули на мокрые доски, я объяснил, откуда и зачем приехал, показал документы, какие были у меня, но сверх всего, не очень-то надеясь на документы, торопливо стал рассказывать, как шёл на самоходке по Ладого, как нас качало, как мы увидели маяк, обрадовались, как я узнал о деде Андрее и не смог проехать мимо этого места, о котором знают все. Анна Ивановна выслушала меня, сдержан-

но улыбнулась, и я понял, что меня примут здесь и что в самом деле нет правил без исключения.

Так я оказался гостем Анны Ивановны и деда Андрея. Мне показали выводок диких уток, маленьких, сереньких, симпатичных. Они так же бегали к воде и к еде вперевалочку, как и домашние утки.

Мы съездили с дедом Андреем проверить сети, и в них оказался неплохой улов. Из этого улова вышла уха, такая густая и душистая, что в жизни я, кажется, ничего не ел более вкусного. А потом мы втроём сидели перед самоваром и пили чай: душистый грузинский чай, ошпаренный вкусной, очень мягкой, всюю кипящей ладожской водой.

Под этот чаёк долго можно сидеть за столом, потеть, думать, вспоминать, рассказывать.

Оказывается, дед Андрей на этом острове с молодых лет. Как приехал, так, можно сказать, и не уезжал отсюда. Разве что вот за невестой съездил на лодке в деревню. Долго не могла привыкнуть Анна Ивановна к одинокому житью, да вот ничего, обвыклась — дети помогли не скучать, а теперь уж внуки, да и остров кажется самым любимым местом на земле. Съездил дед Андрей, тоже на лодке, и за коровой. Едва перевёз её по беспокойной воде. А теперь уж от той коровки только дальнейшее потомство осталось, уж сколько времени прошло с тех пор. Помнится на всю жизнь деду случай с волками. Как бежали они за ним по замёрзшему озеру, как он отмахивался палкой, как чуть было не провалился в пруд перед самым посёлком и едва-едва, чудом спасся от смерти. Особенно запомнилась ему война. Побеждают то немцы, то наши. А дед Андрей всё на своём посту. И вот пришли как-то наши разведчики в белых халатах. Им нужно было найти хорошее место через Ладогу, надёжную дорогу, по которой пошли бы машины, повезли бы из Ленинграда в тыл изголодавшихся детей и взрослых, а в осаждённый город доставили бы еду и боеприпасы. Дед Андрей ушёл вместе с разведчиками искать дорогу жизни. И помог её найти. И вернулся домой, и дождался конца войны. Снова пошли по озеру суда с мирными товарами, с людьми, с фруктами, с лесом. И всем капитанам нужен огонь маяка.

— Если хотите, могу даже показать, где они застряли, — сказал дед Андрей, поднимаясь из-за стола. Конечно, я хотел забраться на маяк и посмотреть с высоты, где отмели, где хорошая дорога для кораблей, и вообще, что же там видится с высоты не просто птичьего, а, можно сказать, орлиного полёта.

Дед Андрей пошагал впереди, я за ним. Дед был сутулый, кривоногий, с длинными сильными руками. Шагал не спеша, вперевалочку, связка ключей покачивалась на его указательном пальце.

И вот мы в башне. Гулко, размеренно стучат шаги по каменным ступеням. Лестница вьётся винтом. Вот один виток прошли, другой. Я сначала спешил, а потом понял, что напрасно. Идти вверх порядочно. Дед Андрей дышит всё труднее, всё более шумно. Да и я начал сопеть. А когда мы должны были вот-вот выбраться в то место, где зажигается свет, мне показалось, что высоченная каменная башня покачивается из стороны в сторону, ходит кругами.

Наконец моя голова просовывается в просторный фонарь, в стеклянную колбу на вершине маяка. Отсюда видно всё, хоть уже и поздновато. Далеко под нами острые вершины леса, игрушечная лодочка возле крохотных мостков, летают, кружатся, как лёгкие бабочки, чайки над водой невдалеке от берега; а там за ними, дальше, куда может долететь лишь мой взгляд, я вижу озеро — его белёсую воду, спокойную и ровную, хотя и знаю, что сейчас там должны быть волны. Они видны

едва-едва, а ведь свищет ветер и гонит барашки — напор ветра гудит за мощными стёклами маяка. Башня качается и плавает. И кажется, вот-вот она рухнет и рассыплется по кирпичикам.

Но спокойно лицо деда Андрея. Его коричневые от загара добрые морщины улыбаются мне и простору, отсюда он видит его почти тридцать лет.

Плывут облака, идут корабли, медленно тянутся вверх деревья, пролетают птицы весной и осенью, кружат чайки, тревожно кричат и кидаются в воду, по преданию, спасая чью-то тонущую душу, медленно ходит по острову и рвёт траву пёстрая корова, переваливаются с боку на бок утята, повизгивает на цепи Джек, увидев хозяйку с едой, — всё живёт своей привычной жизнью, а вот у деда Андрея есть ещё что-то сверх всего — вот это раскачивание под небесами, взгляд окрест, какой может быть разве только у лётчиков, и с этой вот высоты он может направить луч света, не лазерный, всё сжигающий, а добрый — всё освещающий, показывающий верный путь.

Дед Андрей чиркнул спичку и хотел было сам зажечь газовую горелку перед мощным увеличительным стеклом, но потушил спичку, протянул коробок мне.

— Ни разу, поди, не приходилось?

— Нет, — сказал я, чуть дыша от восторга.

— Давай-ка попробуй. Сейчас самое время.

У меня руки невольно затряслись. Я не сразу зажёл спичку. Медленно поднёс пламя к маленькой горелке. Вспыхнул голубой огонёк, и через мгновение сработало какое-то устройство, пламя внезапно разрослось в белое облачко, вспыхнуло перед отражателем и погасло.

— Полетело, — сказал дед Андрей. — Всё в порядке.

— А где же луч? — удивился я.

— Его отсюда не видно, — сказал маячник. — Его видно оттуда, с Ладogi, там он нужнее, — и дед Андрей показал рукой в ту сторону, где шёл караван: маленький буксир тянул три огромные баржи.

— Вот тут они, поближе если подойдут, садятся на мель. А там — раздолье, — сказал дед Андрей и прищурился, всматриваясь вдаль...

Да уж, это верно, там нужней, вспомнил я ночной свой рейс, волны и капитана, ожидающего, как подарка, яркой вспышки вот этого огня. Вот и я его зажёл впервые в жизни.

Т а м, в н у т р и...

...А в душе Станислав всё ещё не доверял белым.

Он присматривался к ним, перенимал их привычки, слова, жесты, но они не становились его привычками, его словами, его второй натурой. То, чему учили его в детстве и юности, не могло уйти. Ничто усвоенное человеком не улечивается, подобно дыму. Оно вырывается с мясом, с кровью, с великой болью, но навсегда остаётся после этого полузатянувшаяся рана, которая время от времени открывается и начинает кровоточить.

Он прекрасно понимал, что различия между ним и белыми в культуре и знаниях очень велики. Но он и не пытался преодолеть этот барьер. И не завидовал белым. Вообще чувство зависти было незнакомо ему.

С тех пор как Станислав попал в Европу и увидел большие города, толпы народа, блеск, нищету, радость одних и отчаянье других, у него составилось об этой земле вполне определённое мнение: да, белый человек очень умный, очень изобретательный, очень удач-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6.

ливый. Но всё же он как ребёнок. Он часто играет и жизнью и смертью, никогда не задумываясь серьёзно над этими вещами. Он несдержан. И самый главный его недостаток — он не понимает великих и таинственных сил природы, грубо вмешивается в их действие и убивает то, что даёт ему жизнь.

Городская суета напоминала ему весенний ход лосося, когда рыбы в реке так много, что не видно воды. Это было похоже на кошмар — бесконечная шумная масса людей с лицами, не отличимыми одно от другого. Толпа текла, разбиваясь на ручейки и протоки, снова собиралась в широкие русла больших улиц, бурлила на площадях у вокзалов и, казалось, даже пенилась. Он не мог успокоиться несколько дней и потрясённо повторял, качая головой:

— Как много белых людей! Как много белых!..

А запах толпы напоминал ему запах старой прокисшей оленьей шкуры.

Он очень не любил, когда незнакомые люди слишком близко подходили к нему или дотрагивались до него. Диким казался ему обряд рукопожатия. Для чего, думал он, нужно касаться друг друга ладонями, когда можно приветствовать поднятой вверх рукой? К рукопожатиям он относился как к неприятной, но необходимой в среде белых процедуре и принимал протянутую руку вежливо, однако сам никогда не делал этого первым.

Он никогда не просил о чём-либо. Он всё предпочитал делать своими руками — была ли это пряжка для ремня, заплатка на ботинке или чистка овощей, принесённых с рынка.

И в то же время он восхищался разнообразием инструментов, придуманных белыми, — пилами, молотками, ножами различной формы, свёрлами, напильниками, отвёртками и рубанками. Он относился к инструментам с огромным уважением и понимал их ценность, потому что сам мог создавать орудия труда.

Ему сразу же понравились жилища белых людей. Они хорошо защищали от жары и от холода, и в них было достаточно места для хранения запасов пищи, одежды и инструментов.

И всё же родной типич оставался для него верхом совершенства, — его можно было за несколько минут разобрать и собрать на новом месте, находящемся в нескольких дневных переходах от старого. Он был лёгок: при необходимости два человека могли унести его на плечах. Для постройки его нужно было совсем немного материала и сил. Это был дом детства, настоящий, прекрасный и незабываемый, и никакие калориферы, лифты и оконные стёкла не могли заменить его...

Рождественские подарки

Шла середина декабря. По ночам густой иней садился на землю, ручьи и лужи покрылись ломкой стеклистой коркой, которая не таяла даже днём, но снега ещё не было.

Отряд обосновался в чаще на берегу безымянного ручья. Здесь небольшими группами росли молодые сосны и ёлки, под которыми партизаны поставили свои шалаши.

Станислав научил их строить настоящие нукевап*, в которых можно разводить большой костёр, незаметный снаружи. На вершине

* Нукевап — охотничьи индейские шалаши-временки из ветвей и коры.

нукевап, у дымового отверстия, он поставил щитки из берёзовой коры, и независимо от того, с какой стороны дул ветер, дым поднимался не прямым столбом, а стелился понизу, не выдавая присутствия людей. Нужно было почуять его запах, чтобы догадаться, что здесь жильё.

Станислав сам заготавливал сушняк для костров. Он не брал первые попавшиеся под руки ветви и сучья, а выбирал липовые или

берёзовые. Они горели без треска, чистым пламенем, почти не давая дыма, и разгорались быстрее, чем любые другие.

Он удивлялся тому, что многие партизаны не могли отличить одну породу дерева от другой. Ему достаточно было быстрого взгляда на какой-нибудь старый многолетний сучок, ставший серым от времени, чтобы безошибочно сказать, дуб это или клён.

Обоз удалось перехватить через восемь дней после рейда в Дембовцы.

Ян Коссовский, неожиданно вышедший на дорогу, находившуюся в трёх километрах от лагеря, прибежал назад с известием:

— Шесть повозок и всего восемь человек охраны, не считая возниц! Тянутся еле-еле. Успеем перехватить, если выйдем сейчас.

— Уверен, что продукты? — спросил Лёнька.

— Кто его знает. Но похоже. Какие-то картонные коробки и ящики. Некоторые обшиты материей, как почтовые посылки.

— Бери двенадцать человек. Больше не дам.

Через двадцать минут цепь вытянулась в придорожных кустах. Место определили так, чтобы опередить обоз хотя бы минут на двадцать.

Ждать пришлось недолго.

Фуры выкатились из-за поворота и, не торопясь, загремели по окаменевшей от утреннего заморозка дороге. Они шли на расстоянии пяти-шести метров друг от друга. В первой сидели четыре человека — возница и три солдата, один из которых, удобно развалившись на ящиках, высистывал на губной гармошке какой-то бодрый мотив. На остальных пяти фурах возницы и солдаты сидели рядом, на передках.

— Ребята, договоритесь, кто кого будет стрелять, и берите их на прицел. Пулемёт в ход не пускать! Попытаемся кончить залпом по моей команде, — сказал Коссовский.

Губная гармошка громко и визгливо выкрикнула конец мотива «хи! хо! ха!». Солдат продул её и сунул во внутренний карман шинели. Потом сдёрнул с шеи автомат и, крикнув что-то, дал очередь по кустам, обрамляющим дорогу.

Для чего он это сделал, так и осталось неизвестным. Может быть, в самый последний момент заметил партизан. Или просто, возбуждённый музыкой, решил так закончить свой опус.

Треснул длинный залп, и с подвод на дорогу покатались тёмно-зелёные фигуры.

Ещё один залп.

Лошади передней фуры рванули и понесли. Мёртвый возница вылетел через борт и некоторое время тянулся за телегой на вожжах, пока не попал под заднее колесо.

Два воза сцепились колёсами, и лошади бились в постромах, спотыкались и падали, пытаясь вырваться из хомутов. Остальные фуры остановились как по команде при первых выстрелах, и теперь пули щепили их борта и спицы колёс. Коробки на одной из телег начали куриться голубоватым дымком, — видимо, кто-то ударил по ним зажигательной.

Передняя фура пролетела по дороге метров пятьдесят, потом лошади резко рванули в сторону. Дышло сломалось. Фура на полном ходу опрокинулась, и на землю вывалилась гряда ящиков. Некоторые из них раскололись.

— Прекратить огонь! — крикнул Ян. — Кажется, всё.

Партизаны бросились к обозу.

И в этот миг из кустов на противоположной стороне дороги застучал пулемёт. Бежавший впереди Ондрей Ткач схватился руками за живот и опустился на колени. Второй метнулся в сторону и, подрезанный очередью, упал, попытался приподняться и снова упал.

— Назад! — дико закричал Ян, сообразив, что кто-то из фашистов остался жив.

Партизаны залегли.

Засевший в кустах пулемётчик продолжал полосовать короткими очередями дорогу.

— Сволочь! — прошептал Ян. — Когда он успел?

В горячке боя никто не успел заметить, как немец соскочил с фуры и скрылся в кювете на той стороне.

Обида распирала грудь. Потерять на таком простом деле двух бойцов! Что теперь скажет Лёнька? И, главное, когда проклятый шваб успел перебежать с воев на обочину?

Он осторожно поднял голову, стараясь определить, откуда идут очереди.

Пулемёт умолк.

Кусты на той стороне не шевелились.

Ян толкнул лежавшего слева Каминского:

— Ты его видишь?

— Нет. Замаскировался, гад.

— Ян, надень на автомат шапку и высунь из канавы, — попросил лежавший справа Станислав.

— Дело, — сказал Коссовский. — Попробуем.

Он сдёрнул с головы кепи, нацепил на ствол автомата и приподнял над кустами.

Станислав всматривался в заросли на той стороне.

Никакого движения.

Тишина висела над дорогой. Понуро стояли лошади в запряжках. Дымил подождённый воз.

Коссовский повёл кепи в сторону — как будто переползал вдоль обочины.

Пулемётчик молчал. Видимо, он разгадал примитивный манёвр.

— Собака!.. — выругался Каминский. — Что теперь, так и будем лежать до тех пор, пока на нас не наскочат мотоциклисты или ещё что-нибудь похуже?..

— Ян, я подползу ближе к возам. Оттуда хорошо видно ту сторону, — попросил Станислав.

— Хватит двух убитых. Лежи!

Прошло минут пять. Ожидание становилось нестерпимым.

— А может быть, чесануть по кустам из пулемёта? Самым низким прицелом вдоль всей обочины? — сказал Каминский. — Думаю, он не выдержит, обязательно ответит.

— Дело, — сказал Коссовский. — Сейчас его вызову на дуэль. А ты, Стась, смотри. Как только увидишь ответные вспышки, бей прямо по ним из автомата.

— Так.

Коссовский уполз к пулемёту.

Через минуту длинная очередь подсекла кусты на той стороне у самых корней. Полетели сбитые пулями ветви, брызнула мёрзлая земля. И почти сразу же с той стороны ответил шваб.

Станислав увидел трёхцветные вспышки ответной очереди, а потом и самого немца, вернее, его голову в плоской каске. Ствол пулемёта закрывал большую часть его лица, и только часть щеки и плечо оставались незащищёнными.

Станислав перебросил предохранитель на одиночные выстрелы. Потом медленно-медленно поднял автомат. Он коснулся прицелом нижнего края стальной каски, задержал дыхание и нажал спуск.

Очередь немецкого пулемёта оборвалась. Он увидел, как последним смертным рывком шваб поднялся на колени, прижал ладони к лицу и опрокинулся навзничь.

— Так, Стась! — крикнул Стефан Каминский.

Медленно, с опаской подошли партизаны к фурам. Казалось, снова брызнет из кустов или откуда-нибудь из-под колёс раскалённая очередь. Но кругом было тихо.

— Кто-нибудь двое соберите оружие. Стефан, Радек и ты, Михась, соберите всех лошадей. Наиболее уцелевшие повозки возьмём с собой в отряд. Януш и Марек, подберите наших убитых, — распорядился Ян.

В обозе оказались рождественские подарки — сыр, колбаса, мясные и рыбные консервы, было даже несколько копчёных окороков, коробки с настоящим кофе, коробки с конфетами, банки с джемом и домашними маринадами и почти в каждой посылке — тёплые вещи: вязанные из добротной толстой шерсти трёхпалые перчатки для стрельбы на морозе, носки с двойными пятками, байковые и фланелевые портянки, шарфы, егерское бельё, свитера.

И — что было очень нужно партизанам — медикаменты. Большие пакеты ваты, бинты, индивидуальные перевязочные пакеты, дезинфицирующие присыпки, средства от простуды, от обморожений, обезболивающие, жаропонижающие, антисептические. Словом, целый аптекарский магазин в миниатюре.

Четыре фуры, нагруженные доверху, четырнадцать автоматов, больше двух тысяч патронов, двадцать гранат и ручной пулемёт МГ-34.

Однако радости не было. Два товарища погибли в этом коротком бою. Их похоронили здесь же, в лесу, неподалёку от лагеря, поставив на могильные холмики простые нестроганные кресты.

... — Вот что, друзья, — сказал Лёнька, когда вечером обсуждали итоги боя. — Так воевать больше нельзя. Летом почему было легче? Летом германцы наступали там, в России. Им было не до нас. «Вперёд! Дранг нах Остен! К славе, к победе!» — этому подчинялось у них всё. Если в глубоком тылу и появлялся какой-нибудь отряд сопротивления, на него обращали внимание не больше, чем на досадное недоразумение. Отправляли в этот район карателей, если отряд попадался им на глаза или проводил какую-нибудь особенно дерзкую операцию. Но таких было мало. Что могли противопоставить отлично вооружённым соединениям СД разрозненные группы в тридцать-сорок человек? Только с боем добывать себе пропитание, как это делаем мы, и после налёта сразу же перебираться в другой район, заматавая следы. Теперь обстановка изменилась. Кончилось лето, и у швабов, кажется, кончилось наступление на Востоке. Вероятнее всего, они займут позиционную оборону до следующего лета. А это значит, что они серьёзно примутся укреплять тыл. Я думаю, что скоро они будут действовать против нас не отдельными карательными акциями, а пустят по нашим следам армейские соединения. И тогда нам конец.

То, что мы делаем сейчас, это не война. Это игра в войну. Нам просто везло. А везение, как вы знаете, не может продолжаться вечно. Всё до поры, до времени. Помните ли вы на Сандомир? Третьего дня наша разведка напоролась там на отряд боевого охранения, от которого еле унесла ноги. Что это значит? Это значит, что они начи-

нают охранять стратегически важные дороги и шоссе большими силами. Всё труднее становится нам передвигаться из района в район. Настанет время, когда они обложат леса со всех сторон и зажмут нас в кольцо. Тогда — смерть. Бесполезная, бессмысленная смерть.

— Так что же нам делать? — не выдержал кто-то из бойцов.

— Что делать? — переспросил Лёнька. — Я думаю, нам прежде всего нужно наладить связь с другими отрядами, а также с надёжными людьми в деревнях и на хуторах. Эти люди могли бы информировать нас о всех передвижениях швабов и сообщать о готовящихся карательных экспедициях. Они помогали бы нам доставать продукты и укрывали бы наших раненых. Они держали бы нас в курсе всех событий...

— Как мы можем связаться с другими отрядами, если даже не знаем, где они? — спросил Големба.

— Опять-таки через местных жителей, — сказал Лёнька. — Нужно поддерживать с ними постоянный контакт.

— И в один прекрасный день найдётся какой-нибудь гад, который наведёт швабов на нас.

— Нужно связываться с надёжными людьми.

— Как ты узнаешь, надёжный он или нет? — пробормотал Големба. — На лбу у него не написано...

— По-моему, почти все поляки ненавидят швабов так же, как и мы, русские.

— И среди русских могут найтись сволочи.

— Не спорю, — сказал Лёнька. — Но сволочь я сразу же отличу от настоящего человека.

— Я тоже, — сказал Големба. — Только вот вступать в разговоры с каждым встречным в деревнях я не собираюсь.

— Зачем с каждым встречным? — возразил Лёнька. — Нужно выбрать самого бедного мужика. Такой наверняка не выдаст. Да и разговор не начинать сразу, а выпрашивать осторожно, как бы между прочим. И ни слова о нашей группе. Делать вид, что ты одиночка и хотел бы прибиться к какому-нибудь отряду. Впрочем, не мне вас учить этому.

— Попробовать, конечно, можно, — покачал головой Големба. — Только вот что из этого выйдет...

Белые у Красных Скал

— Стась, каким образом ты попал в Польшу? Помнишь, ты обещал рассказать, да всё не было времени, — попросил как-то Ян Косовский.

— Это началось после Тану-Тукау, праздника Посвящения, четыре Больших Солнца назад, — сказал Станислав. — Тану-Тукау бывает весной и осенью, за день до первого весеннего или осеннего полнолуния. Мой Тану-Тукау осенний. Тогда два дня гремели над лесом бубны. Кей-вей-кеен разносил их голоса над землёй Толанди. Их слышали месяц на небе, и лес на реке Макензи, и медведь, и олень, и рысь, и воины Танов, Капотов, Викминчей, и Сампичей, Сиу и Сивашей...

Станислав закрыл глаза, и Духи Воспоминаний и Снов унесли его в Чащу на берегу озера Большого Медведя.

...Вечер сделал воду озера тёмной и глубокой. Лесные тени поползли на берега. В песок отмели, недалеко от селения, с разгона врезались жёлтые, красные и белые каноэ. Молча выпрыгивали из них воины, вытаскивали лодки на берег, выбрасывали на песок тюки и связки жердей. Женщины волокли тюки на высокое место, распаковывали их и быстро и ловко ставили типи. Это была их работа, так же как работа мужчин — добывать мясо и защищать семью от врага.

Последние каноэ прибыли в ночной мгле.

Он видел всё это издали.

Он не встречал гостей.

Он не имел права кому-либо показываться на глаза.

Таков был священный обычай.

Три дня он не прикасался к еде и питью. Три дня он жил в нуте-кае, построенном в глуши леса вдалеке от селения. Все эти дни он молился Великому Духу, чтобы тот помог пройти ему через боль и через страдания и стать на пороге своих новых дней.

Когда он засыпал, он видел во сне тени древних животных, которые, как и его праотцы, говорили на одном языке. Его тень была между ними и говорила с тенями Волка, Оленя и Медведя, с тенями Ворона, Рыси и Бобра, с тенями Белки, Кролика и Орла. В такие моменты он понимал, почему рысь никогда не спит зимой, почему вороны любят блестящие камешки, почему дикие козы слепо идут за своим вожаком даже в глубокую пропасть. Всё было открыто ему.

Всё нужно было запомнить и повторить.

...Едва рассвет красной щелью расколол небо над лесом, в лагере снова затели бубны и загремели трещотки.

Все шауни и прибывшие вечером воины надели праздничную одежду. Даже ути были в куртках из белой оленьей кожи, с бахромой на груди и на рукавах.

Большая костровая площадь стала местом состязаний.

Праздник, как всегда, открыли танцоры.

Сначала Маленький Ворон из рода Капотов и Лёгкая Нога из рода Танов рассказывали об отлёте диких гусей, об удачливых охотниках племени и о Стране Севера, откуда скоро должен прийти Кабинока и закрыть землю покрывалом снега.

Потом Викминч*, Три Звезды и Летящая Стрела из рода Чикорнов показали, как борется и умирает серый медведь — мичи-мокке.

А потом из леса на поляну вышли они.

Их было трое: он, Сат-Ок, Длинное Перо, получивший имя своё за бой и победу над горным орлом; Неистовая Рысь — Нихотианабо, — убивший рысь в роще у озера Гануауте, когда ему было всего десять лет от роду; и Чёрная Скала — Кускет, — названный так за то, что в одну охоту у подножья Чёрных Скал он подстрелил сразу двух диких коз и молодого оленя.

На коротких поводьях они вели за собой коней, а в руках держали луки и томагавки.

По знаку колдуна они перебрались луки за спины и вскочили на мустангов.

И началось состязание Силы и Лёвкости.

...Свистели оперённые стрелы, вонзаясь в голову лося, сделанную из оловянных прутьев и шкур.

* Племя шауни состоит из семей родов: Совы, Капотов, Танов, Оленя, Викминчей, Сампичей, Чикорнов.

Они пускали мустангов на полный галоп и спускали тетиву в тот момент, когда конь круто поворачивал в сторону.

Они на скаку менялись конями. Свешивались с седла, подхватывали с земли упавший лук. Держась только ногами в деревянных стременах, круг за кругом летели у самых сосен, головой почти касаясь земли. Они вспрыгивали на коня и соскакивали с него, когда тот нёсся карьером.

Радость движения, и сила, и молодость делали их тела упругими, как лезвия стальных ножей.

И наконец большой барабан громким голосом приказал им остановиться.

«Слушайте! Слушайте! Слушайте! — гремел барабан. — Вы показали многое из того, что умеете. Вы показали, что лагерь Муги-коонс-сит был хорошей школой для вас. Теперь наступило время показать, что вы — настоящие мужчины, не боящиеся боли и страданий. Вы должны пройти испытание крови. Воины! Собирайтесь все у шасса-типи, у большого Красного типи, где будет идти Посвящение. Юноши, оставьте своих коней и приготовьтесь к испытанию. Вас ждут. Не медлите!»

...Он привязал коня к дереву и сбросил на землю куртку.

Кровь еще кипела от возбуждения, туманила взгляд. Рядом с ним оказался Неистовая Рысь из его рода, рода Совы. Рысь прикоснулся пальцами к его руке и сказал тихо:

— Сат-Ок, мы знаем друг друга с той поры, когда нас маленькими слабыми ути привезли в лагерь Молодых Волков. У нас был общий учитель Овасес, которого мы называли отцом и который вёл нас по тропам Чащи и знаний. Так я говорю?

— Да, Рысь. Твои слова правильны.

— Сат-Ок, сегодня мы станем воинами. Поклянёмся друг другу в вечной дружбе! Я всегда буду помнить тебя и если тебе нужна

будет помощь — позови. Я приду, где бы ты ни был!

— Я тоже, Рысь. Пусть моя добыча будет твоей добычей, мой огонь твоим огнём. Мы знаем друг друга с детства. Я хочу, чтобы мы знали друг друга до смерти.

— Так будет! — сказали оба.

Потом они дали такую же клятву Чёрной Скале.

К нему подошёл отец. Он держал в руке зажжённый пучок сухих веточек можжевельника.

— Готов ли ты, сын мой Сат-Ок, принять Посвящение?

Голос отца был строг и холоден. Строго и холодно смотрели глаза.
— Да, отец. Я готов.

Высокий Орел окурил его терпким дымом можжевельника, отбросил тлеющие веточки и запел:

— Пусть Гитчи-Маниту

Даст твоему телу

Отвагу и силу.

Ты должен не замечать боли,

Ты должен быть мужественным.

Иди же! Прими эту боль

И заглуши её песней.

Сегодня ты станешь воином,

И дальше мы будем идти вместе

Плечом к плечу.

Иди же, мой сын,

И смело смотри вперёд.

Он склонил голову перед отцом, повернулся и, словно ведомый дробью трещоток и свистом орлиных рожков, медленным шагом направился к шасса-типи.

Внутри Красного шалаша было просторно. Много старых воинов стояло у стен, но он не узнал лиц. Он видел всё как бы сквозь синий туман. Отчётливыми были только Горькая Ягода и тотемный столб племени. Вся история шауни была вырезана магическими символами на этом столбе. Он отыскал глазами знак своего рода — Человека-Сову — и больше уже не видел ничего. Крылья Совы словно хотели обнять его. Огромные зрачки глаз страшными чёрными дисками уставились в пространство. Лапы Совы мёртвой хваткой держали тело человека — Основателя Рода.

Он остановился в трёх шагах от столба.

Наступила глубокая тишина.

Лица старых воинов — представителей всех семи родов племени — повернулись к нему.

И тогда он снова увидел колдуна.

Рога бизона торчали над его лбом, словно вырастая из перьев купу*. Грозно блестели глаза. Подот-

* Куп — султан из перьев, длинным хвостом ниспадающий на спину. Каждое перо в купе означало победу над врагом или какое-нибудь важное событие в жизни воина. Куп с рогами бизона носили только вожди и колдуны племени.

но сжатые губы превратились в одну тонкую линию, пересекавшую нижнюю часть лица. Он был Духом Света и Духом Тьмы одновременно. Он словно вышел из тотемного столба, отделился от него, словно тень, и тенью приблизился к Сат-Оку.

Холодом повеяло в шасса-типи.

Тишина звенела, как тетива лука, из которого только что выпустили стрелу.

Сат-Ок увидел левую руку колдуна. Она протянулась к нему, как лапа хищного зверя. Он почувствовал, как сухие горячие пальцы Горькой Ягоды оттянули кожу на его груди над левым соском.

...Ты должен не замечать боли... — пронеслось в голове.

...Пусть не дрогнут губы, не моргнут глаза, не дёрнется в сторону плечо. Тело должно остаться спокойным, будто оно из камня.

За ним сейчас следят десятки глаз.

Ждут.

В правой руке Ягоды узко сверкнул нож.

Гранёное лезвие пробило мышцу.

Ожог удара он почувствовал как бы со стороны.

...Боли нет. Она короткая. Вот она уже прошла...

...Снова засvistели рожки. Значит, всё в порядке. Значит, спокойным осталось его лицо.

Он улыбнулся. Она даже приятна, эта жгучая боль. И она совсем не страшна!

Горькая Ягода продевал теперь тонкий сыромятный ремешок в двойную рану.

Вот он завязал его особой петлёй у груди, а другой конец прикрепит к лапам Совы на тотемном столбе.

Сат-Ок чувствовал, как по груди и по животу его ползут горячие струйки.

Но он уже поборол боль. Он был победителем. Он стоял так спокойно, как учил его отец в песне.

Через минуту рядом с ним встали Неистовая Рысь и Чёрная Скала.

И когда колдун привязал к ногам их священные медвежьи черепа, они запели песню Молодых Воинов:

...Пусть дорога через леса и степи

Будет для нас открыта.

Пусть наши руки станут сильнее. А глаза быстрее и метче.

Когда слова песни кончились, все трое разом прянули назад от столба. Ремешки разорвали кожу на груди. Оторвались от ног священные черепа, и они, подняв руки, выбежали из шасса-типи уже не юношами, а воинами и возвестили племени о том, что прошли Посвящение, громким трёхкратным криком орла-победителя.

...Прекрасна была эта ночь.

В небо летели языки пламени от костров.

Кружились звёзды над лесом. Луна остановила свой ход и завидовала им. Впереди их ждали дороги побед, удачных охот, дни зимы, дни весны и счастливого лета...

— Уф-ф! — вздохнул Ян. — Ну и мастер же ты рассказывать. Будто я сам прошёл посвящение и побывал в вашем... как ты назвал его? Тану...

— Тану-Тукау.

Станислав сдвинул угли костра к центру. Задумчиво смотрел, как они рассыпаются с лёгким звоном на всё более мелкие золотые искорки и покрываются пеплом.

— А дальше? — спросил Коссовский. — Что было дальше? Как начался путь твой в Европу?

— Летом 1936 года я и Рысь охотились в каньоне Красных Скал. Там водится много коз. Ты видел когда-нибудь горных коз? Знаешь,

как трудно к ним подобраться между голыми скалами! У них невероятно тонкий слух, и они так хорошо знают всякие звуки, что отличают падающий по скалам камень, который столкнула нога человека, от камня, который сам сорвался со склона. А их дикий бег по крутым обрывам — непередаваемое зрелище. Я не один раз видел, как целое стадо бросалось вслед за своим вожаком в ущелье с отвесными стенами глубиною в полёт стрелы, а то и больше. Кажется, что ни одна из коз не останется в живых. Но так только кажется. Перескакивая зигзагами со стены на стену, они падают всё ниже и ниже и через несколько секунд уже убегают по дну ущелья.

Мы гонялись за ними полдня и не подстрелили ни одной.

Наконец Рысь сказал, что нужно передохнуть и поесть, иначе мы не переплывём даже реку.

Мы давно не были в племени и почти забыли тепло типи и голоса родных и друзей. Поэтому каждая минута, проведённая у костра, чем-то сближала нас с домом, и мы никогда не отказывались от такой возможности. Так и теперь. Мы собрали хворост, зажгли огонь. У нас было немного мяса. Мы нанизали кусочки оленины на концы стрел и начали поджаривать их.

Мы поели, но нам не хотелось уходить от костра.

— Хочешь, расскажу историю про хвост вапити? — сказал вдруг Рысь. — Это очень смешная история, мне рассказывал мой отец.

— Расскажи, — сказал я и лёг на живот головой к огню.

Рысь хорошо умел рассказывать, так же как отец, и я любил его слушать.

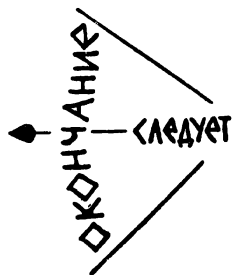
— Однажды отец шёл по следам оленя и лани. В кустах у прогалины на берегу Стремительного Потока он присел отдохнуть. Кроме того, он надеялся, что какая-нибудь дичь придёт на водопой, и не ошибся. Вскоре появился великолепный вапити, но не один. За ним бежал охотник из племени сиу. Отец сразу узнал его. Это был Тамдока — Олень. Обеими руками он держался за хвост вапити, а свой нож он зажал в зубах.

Отец так удивился, что вскочил на ноги и закричал:

— Тамдока, зачем ты держишь его за хвост?

Но Тамдока и вапити уже исчезли в лесу.

Отец долго стоял, не в силах прийти в себя от изумления. В жизни он ещё не видел такого.

СКАЗКИ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ЛОВКО СЕБЯ ЗАЩИТИЛ

В одной деревне жил старый холостяк по имени Жан. Понадобился ему однажды горшок, чтобы растопить сало. Конечно, лучше бы ему отправиться в город на гончарную улицу да и купить себе горшок. Но ведь город-то далеко, а сосед близко. Вот и решил Жан занять горшок у соседа.

И в этом тоже нет ничего плохого: ну занял и занял! Да на беду услышала запах расплавленного сала кошка — и к горшку. Хозяин за ней. Кошка от него! Побежала, опрокинула горшок, а дальше вы сами знаете, что бывает в таких случаях. Горшок упал и разбился.

К счастью, если можно так выразиться, разбился горшок не совсем: просто раскололся на две половинки. Жан приложил половинки одна к другой, крепко сжал горшок руками да и понёс хозяйну, ни словом не обмолвившись о поломке.

Только у соседа был верный глаз. Он сразу заметил, что горшок-то расколот. И, как говорится в пословице: кто разбил стаканы, тот за них и платит, — решил, что правило это относится и к горшкам.

Вы, может быть, думаете, что Жан согласился с соседом? Ничего подобного! Он и слышать не хотел о возмещении убытка!

— Ну что ж, — сказал хозяин горшка, — пусть тогда нас рассудит суд.

На сей раз хочешь не хочешь, а пришлось Жану отправиться в город. Надо было посоветоваться с адвокатом.

Тот заставил Жана рассказать, как было дело, и спросил:

— А были ли свидетели при том, когда вы брали горшок или когда возвращали его?

— Нет, ваша милость, — ответил Жан, — свидетелей не было.

— В таком случае, — сказал адвокат, — у вас есть три способа защиты. Во-первых, вы можете сказать, что горшок был уже битый, когда вы брали его у соседа. Во-вторых, вы можете сказать, что когда вы возвращали горшок, он был целым, а разбили его уже потом, после того, как вы отдали его владельцу. Кто может доказать, что это не так? Ну а в-третьих, и это всего проще, вы можете сказать, что и не думали брать горшок у соседа. И, если вы будете стоять твёрдо на своём, я не вижу причины признать вас виновным за неимением свидетелей.

— Да, ваша милость, — повеселел Жан. — Я всё понял. Очень благодарен за науку.

— Это будет стоить вам одно экю*, — заметил адвокат в заключение.

Заплатить за горшок было бы куда дешевле! Но Жан так обра-

* Экю — мелкая французская монета

довался, что сумеет легко и веско доказать свою правоту! Без сожаления выложил он на стол монету, вернулся к себе в деревню и стал ждать вызова в суд.

Наконец день суда наступил. Собрались жители всей деревни, пришёл сосед. Вызвал судья Жана на допрос. Тот легко поднялся с места и, уверенный в благополучном исходе дела, с важным видом подошёл к судье.

— Господин судья, — начал он, — вот что я могу сказать в своё оправдание. И пусть мне докажут, что я не прав!

— Я вас слушаю, — отозвался судья, — говорите.

— Во-первых, — начал Жан, — горшок был уже битый, когда я его брал. Во-вторых, когда я его вернул, он был целёхонек. А в-третьих, чтобы покончить с этим раз и навсегда, я сроду не занимал никакого горшка у своего соседа!

Видели бы вы, каким раздосадованным вернулся Жан вечером домой. Потом до самой смерти бранил он на чём свет стоит всех адвокатов. Впрочем, судьям доставалось не меньше, чем адвокатам.

О Б М Е Н

Жили некогда муж и жена. Жан Батист и Маргарита.

— Послушай, Жан Батист, — говорит как-то Маргарита, — почему бы тебе не последовать примеру нашего соседа? Он вечно что-то меняет и зарабатывает на этом немалые деньги.

— Э, нет, — сказал Жан Батист. — Вдруг я останусь не в выигрыше, а в проигрыше? Ты ведь меня загрызёшь! Характер твой не то что я, вся округа знает.

— Ну что ты, что ты, — обиделась Маргарита. — Я и слова не скажу. Известно, что в таких делах не всегда ведь остаются в выигрыше. Пока учишься, можно и проиграть. Бери-ка нашу корову и отправляйся в город. Авось обменяешь её повыгоднее.

На следующий день отправился Жан Батист с коровой в город. И половины пути не прошёл, как повстречался ему человек, ведущий на верёвке козу.

— Эй, Жан Батист, куда это ты путь держишь, да ещё с коровой? — остановил его встречный.

— В город иду. Думаю вот поменять корову на козу.

— На козу!? Зачем же тебе идти так далеко? Бери мою.

— Можно и так, — согласился Жан Батист и обменял корову на козу. Идёт он дальше, а навстречу другой крестьянин: за спиной, в корзине гуся несёт.

— Жан Батист, куда это ты? — окликнул его хозяин гуся.

— В город иду. Авось удастся обменять козу на гуся.

— Вот чудак! Зачем же тебе по жаре тащиться в город? Бери моего гуся!

— Давай, — с готовностью согласился Жан Батист, отдал козу и забрал гуся.

Не прошло и получаса, как повстречался ему ещё один человек: с петухом в корзине.

— Ты куда? — спросил он Жана Батиста.

— В город иду. Продам гуся, куплю петуха.

— Ну, насмешил! — развёл руками хозяин петуха. — Бери моего — и в город ходить не надо.

— Твоя правда, — согласился Жан Батист. И они обменялись: Жан Батист отдал гуся и забрал петуха.

Наконец добрался он до города. Смотрит: у городских ворот ка-

кая-то женщина собирает конский помёт.

— Здравствуй, добрая женщина, — вежливо поздоровался Жан Батист. — Позвольте спросить, много ли вы зарабатываете такой работой?

— Для меня достаточно, — отозвалась женщина.

— А не хотите ли вы меняться: я вам — петуха, а вы мне — собранный помёт?

— Охотно, — удивилась женщина. И Жан Батист отдал ей петуха, забрал мешочек с помётом и вступил в город.

На рыночной площади встретил он своего соседа.

— Ну как дела, Жан Батист? — спросил его тот. — Хороши ли бабыши?

— Да вроде сегодня я неплохо преуспел. Обменял свою корову на козу.

— На козу?! — удивился сосед. — А что скажет на это твоя Маргарита?

— Маргарита ничего не скажет. Но ты послушай дальше. Козу я тоже обменял. На гуся. А гуся отдал за петуха. А потом встретил одну добрую женщину и сменял петуха на конский помёт.

— Эка ты натворил дел! — захохотал сосед. — За такой обмен задаст тебе Маргарита жару!

— Не задаст.

— Хочешь, поспорим на двести франков? Если она будет тебя бранить — ты платишь мне двести франков. Если же она тебе ничего не скажет — я плачу двести франков.

Жан Батист согласился, и они вдвоём зашагали в свою деревню.

— Ну как твои дела? — ещё с порога встретила его Маргарита вопросом.

— Как тебе сказать, — с опаской протянул Жан Батист. — Дела мои не так уж хороши и не так уж плохи. Нашу корову я обменял на козу.

— Тем лучше! — обрадовалась Маргарита. — У нас наверняка не хватило бы корму на корову. А на

козу его хватит. А молоко будет нам и от козы.

— Но это ещё не всё. Козу я обменял на гуся.

— Также не плохо. У нас будет перо, чтобы сделать перину.

— И это ещё не всё, — продолжал Жан Батист. — Гуся я обменял на петуха.

— Очень хорошо, — одобрила Маргарита и этот обмен, — И от петуха перо пригодится.

— Но и это ещё не всё, — упавшим голосом сказал Жан Батист. — Я обменял петуха на конский помёт...

— Самое верное дело, муженёк! Мы удобрим им наш огород, и у нас к осени будут прекрасные овощи!

Сосед слушал весь этот разговор и ушам своим не верил. Зная горячий нрав соседки, он никак не ожидал, что всё повернётся таким образом.

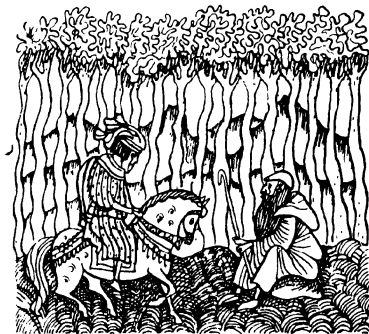
— Н-да-а-а... — мрачно протянул он, выкладывая Жану Батисту двести франков.

ВСАДНИК И НИЩИЙ

Заблудился однажды в горах всадник. Плутал он плутал по склонам, густо заросшим лесами, и наконец выехал на опушку. Огляделся, видит: сидит на камне нищий, жуёт корку хлеба.

— Эй, старик, — окликнул его всадник, — ты вечно бродишь по дорогам и, наверное, знаешь, как проехать в монастырь?

— Не знаю, сударь, — ответил тот.

— А той тропинкой, что вьётся между деревьев справа от тебя, я не выведу на дорогу к монастырю?

— Не знаю, сударь.

— Тогда куда же она ведёт?

— Не знаю, сударь.

— Вот заладил! Не знаю да не знаю!.. Должен же ты знать, где находишься!

— Не знаю, сударь

— А вот я знаю! И знаешь, что я знаю?

— Не знаю, сударь.

— Что ты глуп, как пробка.

— Может, оно так и есть, сударь. Но хоть я и глуп, как пробка, я, однако, пришёл оттуда, где находился, иду туда, куда меня гонит ветер, и ещё ни разу не сбился с пути.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЗАЯЦ

Было это в Крюзо.

Только проводил отец своего сынишку овец пасти — тот уже назад бежит. Запыхался, кричит:

— Отец! Отец! Скорее! Берите ружьё и бегите за мною! Там в жнивье такой заяц! Такой заяц! Прямо с нашего быка!

— Что ты, сынок, неужели с быка? Эка ты хватил!

— Уверяю вас, что он не меньше, чем наш жеребёнок.

— В самом деле не меньше? Это уж чересчур!

— Я его своими глазами видел. Никак не меньше, чем наша годовалая тёлка.

— Своими глазами? С тёлку? Это, сынок, пожалуй, многовато.

— Что вы, отец? Говорю вам, что во всяком случае этот заяц не меньше нашей кошки.

— Ну то-то же, сынок. Пожалуй, теперь я тебе поверю. Однако бывают зайцы и поменьше кошки.

— Конечно, бывают. Но этот никак уж не меньше кролика.

— Не меньше кролика? Тоже всё-таки крупный.

— Ещё какой! Он почти что величиной с мышь!

— Величиной с мышь! А не опасно идти с ружьём на такого зайца?

— Нет, с ружьём не опасно. Я точно помню, что он будет как раз с муху.

— А я тебе скажу, сынок, всё это тебе только показалось. Ничего-то ты не видел.

БАРЫШНИК И БАТРАК

Жил когда-то богатый барышник — жадный, важный, с брюхом, на полметра выпирающим вперёд. Словом, один из тех, кому кажется, что раз он богат, то больше всех и знает.

Однажды утром осматривал он свои конюшни, и не понравилось ему сено. Нахмурил он брови и кличет со двора конюха:

— Эй, Пьер, поди сюда!

— Что скажете, хозяин?

— А то скажу, что сено это не из лучших.

— Оно с нашего большого луга.

— С большого или с малого, но оно ничего не стоит.

— Оно стоит свою цену. Лошади едят его охотно.

— Едят они его или не едят, меня это не касается. Сено это куда не годится.

— Что ж... если вы понимаете в сене больше, чем лошади, буду знать наперёд, что запасать сено надо по вашему вкусу!

ЛИСА И КУРОПАТКА

Однажды повстречала лиса куропатку и спрашивает:

— Скажи, дружок, что ты делаешь, когда спишь?

— Я прячу голову под крыло, — ответила куропатка и тут же показала, как она это делает. Но только сунула куропатка голову под крыло, как лиса схватила её и потащила.

А в это время по дороге шли прачки. Увидели они лису и закричали:

— Глядите! Глядите! Вон лиса тащит в зубах куропатку!

Услыхала куропатка крики прачек и говорит лисе:

— Скажи им: «Какое вам дело, ведь это не ваша куропатка!»

Лиса разинула пасть, чтобы отзетить прачкам, и выронила куропатку. Птица тут же взлетела на высокий дуб.

— Н-да.. — погрустнела лиса, — плохая это штука — говорить без надобности...

— А ещё хуже спать, когда у тебя сна ни в одном глазу нет, — ответила ей с дуба куропатка.

Перевод П. ДЛУГОЛЕНСКОЙ

Рис. Г. Ясинского

Семён ШАНДЛОРЕНКО

ВЕРБЛЮД

*Верблюду пустыня и зной нипочём,
Идёт и не думает он ни о чём,*

*В горбах-рюкзаках и питьё, и еда,
С таким снаряженьем иди хоть куда.*

*Песок под ногами сыпуч и искрист,
Верблюд от рожденья хороший турист.*

ВЕЩЕТА

РЕЖИМ

Взял Вова в руки молоток
И к стенке под часами
С режимом дня прибил листок
Железными гвоздями.

«К семи часам убрать постель».
Вдохнула мама: «Боже,
На кухне утром канитель,
Нельзя ль убрать попозже?»

Сказала бабушка: «В связи
С подпунктом «обтирание»
Сорвётся выход в магазин, —
Смените расписание».

Заметил папа: «Я готов
Приняться за уроки,
Но я на службе в пять часов —
Нельзя ли сдвинуть сроки?»

Но Вова так сказал родным:
«Имейте силу воли,
Режим, простите, есть режим.
Его мне дали в школе».

НОВИЧОК

В нашем классе новичок
Утром появился.
Просидел один урок —
Не пошевелился.

Не поднялся по звонку
Побродить по щколе.
Мы сказали новичку:
— Будь смелее, что ли!

Встрепенулся новичок,
Кате скорчил рожу.
Алексею дал щелчок.
Повалил Серёжу.

На Смирнова взял и сел.
Ткнул в розетку спичкой.
У Андрюши завтрак съел
И запил водичкой.

Мы схватили новичка:
Хватит, «порезвился»!..
Даже стукнули слегка,
Чтоб не шевелился.

СТИХИ

Рисунки Г. Ясинского

ОБРАТНАЯ ПРОПОРЦИЯ

— Навешивай!
— Навешивай! —
Летает мяч как бешеный.
Гудят ворота школьные:
Идут бои футбольные.
Не стал вбивать Серёжка гол:
Сказал, что он учить пошёл
Немного непонятную
Пропорцию обратную.
А я по краю, как Жаир, —
Я в классе лучший бомбардир.
К заходу солнечных лучей
Забил я сорок пять мячей.
Плечусь домой едва-едва.
Гудит, как штанга, голова.
Учебник взял, листаю...

Но

Устал. И спать пора давно.
Пропорция обратная
Осталась непонятною.
Наутро в класс едва пришёл —
Зовут к доске.
Отметка — кол!
А вот Серёжке с плюсом пять,
(Хоть он не может забивать)...
Понятна непонятная —
Пропорция обратная!..

АКТ

Драмкружок поставил пьесу,
Веселился школьный зал:
Второгодник Клим Балбесов
Роль отличника играл.
Вот закончилась премьера,
Утром в школе — чудеса:
На контрольной все примеры
Клим решил за полчаса,
Без ошибок предложение
У доски он разобрал!
И в конце концов по пенью
Заработал высший балл.
Стали спрашивать у Клина:
«В чём причина? В чём тут соль?»
Клим сказал невозмутимо:
«Я, ребята, вжился в роль!»

О. ТУБЕРОВСКАЯ

«Майор brave, карман дырявый»

(К истории создания картины П. А. Федотова «Сватовство майора»)

В один из весенних дней 1840 года молодой гвардейский офицер в щегольской пролётке (правда, не своей, а занятой у командира полка для такого случая) лихо подкатил к подъезду Михайловского дворца. Звякнув шпорами и отрекомендовавшись поручиком Финляндского полка Федотовым, он передал адъютанту свёрнутый в трубку пакет и минуту спустя был принят великим князем Михаилом Павловичем, родным братом императора Николая I.

Сейчас в парадных залах Михайловского дворца размещён всем хорошо знакомый Государственный Русский музей, во времена же Федотова огромный дворец занимал один человек.

Высоченный, как все сыновья Павла I, великий князь принял посетителя стоя. Тыча толстым пальцем в рисунки, вынутые из пакета и разбросанные по столам, благосклонно басил:

— А что, брат, туго, туго? Напиши мне запискою, сколько нужно, ты получишь: только в отставку не подавай, рассорюсь...

Визит во дворец в корне изменил судьбу Федотова. Правда, его рисунки из жизни полка, где не первый год служил художник, давно уже были известны князю, особенно тот, где он сам — шеф полка — был изображён среди офицеров-финляндцев.

Теперь же по приказу царского брата художнику-офицеру была назначена пенсия на продолжение образования и «рисовальные удобства», а также обещаны некоторые послабления по службе. Но всё же совмещать

службу с каждодневными занятиями живописью оказалось непосильным: Федотов вышел в отставку и, поселившись в одной из отдалённых линий Васильевского острова, целиком отдался искусству.

Число живописных работ Павла Андреевича Федотова (1815—1852) невелико. Оно исчисляется всего лишь двенадцатью полотнами.

Художник прожил недолгую жизнь. К тому же до получения пенсии не имел средств да и времени для изучения масляной живописи. Работал исключительно в карандаше или же акварелью. Но вот на академической выставке 1849 года появляется его первое полотно, написанное уже маслом, — «Сватовство майора, или Смотрины в купеческом доме», исполненное с таким знанием быта и нравов купечества, с такой наблюдательностью, что приводит в восторг даже Гоголя!

Действительно, картина эта словно сошла с театральных подмостков, так отлично «играют роли» все действующие лица, так выразительны «мизансцены», придуманные режиссёром-художником!

А обстановка действия — богатый, но неудобный «зал» в купеческом доме? А реквизит? С каким совершенством выписаны хотя бы бокалы, прозрачные, хрупкие, расставленные на подносе. Или люстра с нитками хрустала, о которой речь пойдёт ещё впереди.

Но обратимся к содержанию картины. Расскажем его словами самого автора, который, будучи не лишён поэтического дарования, читал посетителям выставки сочинённую им «рацею» (или, как объяснял это слово художник, «рассказ простонародным протяжным напевом»).

*Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просим,*

*Денег не спросим:
Даром смотри,
Только хорошенько очки протри.
Начинается, начинается,
О том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счёт жуют.
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся.*

И затем одного за другим представлял всех героев своего сатирического полотна:

*Вот сам хозяин-купец,
Денег полон ларец...
А вот... Панкратьевна — сваха,
Бессовестная привираха...
А вот, извольте посмотреть...
Как наша птишка хочет улететь,
А умная мать
За платье её хватя!*

И наконец:

*Как в другой горнице
Грозит ястреб горлице, —
Как майор толстый, бравый,
Карман дырявый,
Крутит свой ус:
«Я, дескать, до денежек доберусь».*

Вся эта сцена, во всех деталях, во всех мелочах, написана с натуры и потому особенно убедительна. Конечно, не по силам и не по средствам было художнику зазывать к себе «на край света», чуть ли не в гавань, натурщиков для позирования да платить им за сеансы, и картина никогда не была бы написана, если бы не друзья. Человек добрый, нрава открытого и общительного, и к тому же одарённый разносторонне, Федотов мог и приятеля нарисовать в одно мгновение, и стишок сочинить, и мастерски исполнить под гитару куплеты собственного сочинения. Он не только пользовался любовью своих однополчан, но — с кем бы ни встретился — сразу умел завоевать симпатию даже совершенно незнакомого человека.

Вот что рассказывает один из друзей художника А. В. Дружинин, впоследствии известный критик и писатель. Речь идёт о подыскании натуры для полотна «Сватовство майора».

«Павел Андреевич... сумел обделать наибольшую часть задачи и приятным и выгодным образом. Какой-то добродушный купец (честь ему за это и слава) охотно согласился скопировать свою особу, один из знакомых офицеров сам вызвался служить натурой для жениха, беспрекословно облачаясь в мундир и стоя на одном месте столько времени, сколько того было угодно Федотову. На Толкучем и на Андреевском рынках наш живописец высмотрел несколько старух и сидельцев, пригласил этот народ к себе, угостил чаем, нанял за сходную цену и во время работы побеседовал с ними так, как только он умел беседовать. Платья, мебель и мелкие вещи взяты были у приятелей, а предметы такого рода, слишком старые и загрязненные, выбирались из лавок и ресторанов».

Правдивой обстановке соответствует и точно наблюденное, тоже правдивое поведение каждого из героев полотна. Как выразительны, как метко схвачены и жесты и мимика персонажей: и лихой взмах руки майора, закручивающего свой ус, и мимика матери, сложившей трубочкой губы и

что-то торопливо выговаривающей невесте-дочери. Даже кошка не осталась без дела. И ей нашёл место наблюдательный художник: сидя на переднем плане, она умывается лапкой и «зазывает» гостей, как бы подчёркивая тему картины.

В картине всё — и образы, и костюмы, и обстановка — результат длительной работы, пристальных и многократных наблюдений художника. Недаром же говорил сам Федотов: «Моего труда в мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью, я тружусь, глядя в оба глаза, мои сюжеты рассыпаны по всему городу, и я сам должен их разыскать!»

Товарищи художника вспоминают, как долго не мог найти Федотов подходящей для «Сватовства» комнаты, как однажды неподалёку от Гостиного двора заметил он в окошке «Русского трактира» хрустальную, засиженную мухами люстру, которая «так и лезла сама в его картину», как «тотчас же зашёл он в таверну и с неописанным удовольствием нашёл то, чего искал так долго. Стены, вымазанные жёлто-бурой краской, картины самой низкой отделки, потолки изукрашены расписными «пукетами», пожелтевшие двери — всё это совершенно согласовалось с идеалом, столько дней носившимся в воображении Федотова».

Так медленно, деталь за деталью, персонаж за персонажем, создавалось знаменитое федотовское полотно, принёсшее первый и громкий успех художнику, — картина, многим казавшаяся забавной, но по существу своему смело разоблачавшая нравы купечества. Именно об этом, как всегда, горячо высказался в своей статье «Двадцать пять лет русского искусства» неутомимый «комментатор» отечественной живописи В. В. Стасов:

«Это... была трагедия, грозно выглядывающая из-за весёлой и потешной ширмы... Только забавным мог казаться каждый в этом семействе... только забавным мог казаться весь этот дом, где «одно пахнет деревней, а другое — харчевней» (слова стихотворения Федотова. — В. С.). Но перестанешь забавляться и забудешь о смехе, когда подумаешь о том, что заключает в себе вся эта сцена: тут два враждебных лагеря, ведущих войну один против другого, тут не до смеха. Тут Федотов... затронул талантливо кистью, глубоко и сильно, то самое трагическое «тёмное царство», которое несколько лет спустя... вывел на сцену Островский».

Картина Федотова «Сватовство майора» находится в Третьяковской галерее. В Ленинграде, в Русском музее, выставлен второй вариант этого знаменитого полотна, законченный автором в 1851 году. Вариант, но не повторение, потому что Федотов, сколько бы раз ни писал одну и ту же тему, всякий раз раскрывал её по-новому, развивал, углублял сюжет, совершенствовал живописное исполнение.

Ленинградский вариант значительно больше по размеру (и, скажем кстати, сохранился значительно лучше!), чем московская картина. На этот раз комната несколько скромнее, мы не видим пресловутой хрустальной люстры, спокойнее, сдержаннее и роспись тёмного потолка. Изменились во многом и главные персонажи: в частности, майор значительно постарел, стал толще, — одним словом, сделался женихом далеко не завидным! Переменилась и невеста, но в лучшую сторону: она стала скромнее, на ней уже меньше навешено жемчугов и браслетов, она стала не так жеманна и выглядит даже трогательно в своём натуральном испуге. Усилил таким образом контраст между женихом и невестой, художник ещё более обострил драму, развёртывающуюся на глазах у зрителя в неуютном купеческом доме.

Товарищи художника удивлялись, почему Федотов не пишет новых картин и после всех успехов засел за повторение старых. Зачем он одновременно с повторением «Сватовства», измучивая себя до крайности, изо

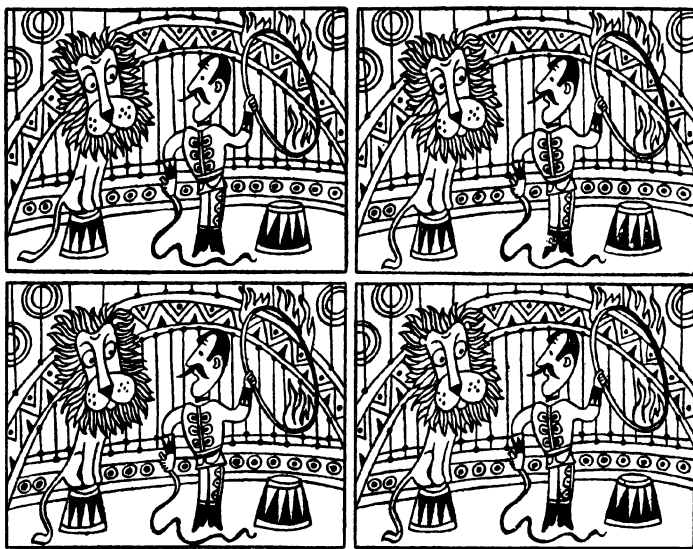
дня в день работает ещё над новым, третьим уже, вариантом картины «Вдовушка»?

Только нужда, и притом постоянная, безысходная нужда, заставляла художника заниматься неблагодарным трудом копирования, хотя бы и творческого, своих собственных полотен. Надо было высылать деньги в Москву, родителям и многодетной, постоянно нуждавшейся сестре. На это скромной казённой пенсии не хватало.

Особенно тяжело сложилась жизнь художника после 1850 года. Даже крепкий организм Федотова не выдержал такой непрестанной, безо всякого отдыха, работы. Едва окончив второй вариант «Сватовства майора», художник заболел нервным расстройством, был помещён в больницу и там вскоре скончался, прожив только до тридцати семи лет, из которых лишь последние восемь мог полностью посвятить живописи.

Он «умер, — писал Стасов, — произведя на свет едва лишь маленькую крупицу из того богатства, каким одарена была его натура. Но крупица была чистое золото и принесла потом великие плоды».

УКРОТИТЕЛЬ НА АРЕНЕ

Из четырёх картинок найдите две одинаковые.

Рис. А. Курушина

БЕГ

(песня Маугли)

Сыпь,
Рыжая сыпь,
Словно покрыла внезапно всю землю от края до края.
Псы,
Рыжие псы,
Сколько бежит вас за мной, задыхаясь от жаркого лая?
Бег, лёгкий мой бег,
Мчусь, не касаясь земли, свежий воздух мне бьёт прямо
в ноздри.

Век,
за целый век
Вам не догнать меня! Что вы рычите и лаете? Поздно!
Наг,
Бос я и наг,
Стелет мне травы земля, меня солнце оденет лучами.
Так
Я бегу, как
В мире никто, никогда и нигде не бежал, я ручаюсь.
День,
Это мой день.
Разве вы быстры, как я? Разве вам незнакома усталость?
Дань,
Я плачу дань
Этой земле, что меня легконогим таким воспитала.
Слух,
Тонкий мой слух,
Что я не слышу, как вы отстаёте там с каждой минутой?
Дух,
Пёсий ваш дух,
Бьёт прямо в ноздри, мне трудно дышать, и земля стала мутной.

Дик,
Лай этот дик,
Жадно сопя, вы бежите, жжёт жаркое ваше дыхание.
Клык,
Чей это клык
На солнце блеснул и исчез за спиной?
Лай вдали затихает...
Крик.
Чей это крик?
Кажется, мой. А во рту
Крови и шерсти вкус набухает.
Ры-жи-е псы!

Рис. А. Курушина

ЗОЛОТОЙ ВЕЛОСИПЕД

Возьмём, к примеру, велосипед. Новенький, только что из магазина. Посмотреть на него — уже удовольствие: резиновые покрышки чёрные, как ночь, ободья сверкают никелем, седло обтянуто добротной кожей. Не велосипед, а загляденье! Кажется, лучшего и не придумаешь. Раз так, значит, он хороший, качественный? А ну-ка попробуем на нём прокатиться. Толчок, ещё толчок — нога привычно перелетает через раму, и вот мы катим по дорожке. Весело похрустывает песок под шинами. Встречные мальчишки и девчонки с завистью смотрят нам вслед. Но что это? Сначала у нас участилось дыхание, потом на лбу выступила капелька пота, потом ещё. И вот уже всё лицо в испарине. Педали велосипеда едва-едва проворачиваются, как будто на каждой висит по увесистой гире. И это на гладкой сухой тропинке! А что будет, если пройдёт хотя бы небольшой дождик и она размокнет? Придётся слезать с велосипеда и идти пешком, потому что у него оказался ужасно тяжёлый ход.

Теперь подумаем — можно ли даже самый красивый велосипед считать качественным, если на нём нельзя ездить? Конечно, нет. Ведь велосипед именно для того и предназначен, чтобы на нём ездили. А на этом ездить невозможно.

Или возьмём другую, ещё более простую вещь — сковородку. Внешне она как будто ничем не хуже других. Но стоило поставить её на газ, как из неё повалил дым и запахло горелой картошкой. Донышко сковородки оказалось слишком тонким. Но ведь сковородка была сделана для того, чтобы на ней готовили пищу, точно так же, как велосипед должен был удовлетворять другую потребность человека — в передвижении. Любая вещь — иголка, настольная лампа — призвана удовлетворять потребности людей в чём-то. Вот теперь мы уже можем сделать кое-какие выводы. **ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО — ЭТО СПОСОБ-**

НОСТЬ ВЕЩИ УДОВЛЕТВОРЯТЬ ЗАПРОСЫ ЛЮДЕЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕХ СВОЙСТВ, КОТОРЫМИ ОНА ОБЛАДАЕТ.

Однако удовлетворять их можно по-разному. На одной сковородке поджаривает пара кусочков картофеля, на другой — целая пригоршня. Мы, понятно, заинтересованы, чтобы их поджарало как можно меньше, хотим, чтобы вещь как можно лучше, в высшей степени хорошо, удовлетворяла наши потребности. Тогда давайте к определению понятия «каче-

Вадим БЕЛОУСОВ

ство» прибавим еще кое-что, и оно прозвучит так: **КАЧЕСТВО — ЭТО СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ВЕЩЬЮ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА С ПОМОЩЬЮ СВОЙСТВ, КОТОРЫМИ ОНА НАДЕЛЕНА.**

А теперь на время позабудем о качестве. Возьмем-ка другой велосипед — красивый, с лёгким ходом, действительно качественный, — и покатим в ближайший лесок. Через несколько минут над головой смыкаются лохматые еловые лапы. Воздух пахнет разопретой смолой. Дышится легко и радостно. Велосипед бежит по дорожке. Педалей под ногами словно и нет, так свободно они крутятся. Тропинка между тем сбежала с невысокого пригорка и упёр-

лась в заболоченную низинку. Впереди заблестела большая лужа. Что делать? Повернуть обратно или попробовать проехать? Перед нами здесь прошёл «газик»-вездеход, его колея уходит прямо в лужу. Эх, была не была! Что есть силы жмём на педали и с разгона въезжаем в лужу. Во все стороны летят брызги. Колёса вязнут в илистом дне. Велосипед идёт всё медленнее. Что есть силы давим на педали, но напрасно! Велосипед останавливается, и мы стоим по колено в холодной воде

Рисунки А. Курушина

прямо посреди лужи. В ботинках полно болотной жижи, брюки мокрые. И что это за качественный велосипед, если на нём лужу не проехать! Ругая про себя машину, выбираемся на сухое место. А ведь велосипед здесь ни при чём. Он — не вездеход. Нельзя его винить в том, что он не сумел сделать того, к чему не предназначен. Поняв это, можно ещё немного расширить определение качества, добавив, что сама-то вещь обязательно должна использоваться по назначению.

Но вернёмся снова к велосипеду. В его втулки, подшипники набилась грязь. Она проникла даже в сварную раму и теперь не спеша сочится по капельке. Плохо дело. Придётся

разобрать велосипед «по косточкам», тщательно протереть все детали, потом хорошенько смазать. Только тогда можно будет надеяться, что он не заржавеет. Обидно будет, если заржавеет, ведь он был такой красивый и ход имел лёгкий! Какой же он высококачественный, если боится ржавчины, неужели нельзя было сделать его «нержавеющим»? Конечно, можно, было бы, например, позолотить. Да, да, покрыть тонким слоем золота, тогда бы он не боялся ни воды, ни даже кислот. Но сколько бы он тогда стоил? К такому велосипеду даже боязно было бы притронуться — а вдруг что-нибудь сломает? Ведь он стоил бы дороже мотоцикла и даже автомобиля. Безусловно, такой велосипед был бы очень добротным, но нужно ли нам такое качество: за те же самые деньги можно было бы купить сотню обыкновенных велосипедов? С другой стороны, и существующие велосипеды могли бы быть дешевле... если бы их перестали покрывать эмалями. Но тогда бы они очень быстро ржавели и ломались. Значит, нам заведомо не нужен сверхкачественный «золотой» велосипед, но не нужен и низкокачественный сверхдешёвый. Какой нам нужен велосипед?

Такой, который обеспечивает высшее качество при наименьших затратах. Учёные и инженеры во всех странах стремятся снизить затраты на производство различных вещей. И в первую очередь за счёт экономии или замены дорогих материалов дешёвыми.

Вряд ли большинство владельцев транзисторов догадывается, что в их приёмниках кроме проводников и сопротивлений заключён настоящий золотой клад. А между тем это так. Ведь при изготовлении транзисторов на некоторые соприкасающиеся поверхности наносится слой золота. В одном приёмнике его немного, но учтите, что транзисторы выпускаются огромными партиями в сотни тысяч штук, поэтому расход благородного металла всё же опромен. Долгое время ничего не удавалось сде-

лать, чтобы сэкономить хоть часть золота.

Попробуйте нанести электрическим паяльником тончайший слой олова на точно заданную точку. Ничего не получится, вольно или невольно олово попадёт и куда надо, и куда не надо, вокруг этой точки. Но ведь олово легко плавится, с золотом же всё значительно сложнее, его не подцепишь наконечником паяльника. Поэтому, как ни старались рабочие и технологи, ничего не получалось — расход золота оставался большим. Вот тогда-то инженеры и предложили наносить золото на радиодетали... искрой. Только не обычной, а электрической. Попробовали — получилось очень хорошо. Теперь золота расходуется в сто раз меньше! Значит, и ваш «золотой запас» в приёмнике уменьшился, но не расстраивайтесь, от этого стоимость приёмников только снизилась.

В случае с приёмниками удалось лишь уменьшить расход дорогого металла, хотя и в сотню раз, но уменьшить, а нередко от дорогих материалов удаётся и вовсе отказаться. Все вы знаете, как дорого стоят оптические аппараты — фотокамеры, бинокли. Даже несмотря на то, что в них используется не драгоценный металл, а как будто бы дешёвый кварц или стекло. Но обработка оптического стекла стоит так дорого, что оно подчас ценится на вес золота. Задумывались ли вы когда-нибудь, почему дорогие фотоаппараты и кинокамеры снабжаются обычно чехлами из толстой кожи? Мало того, с внутренней стороны чехлы ещё обклеиваются мягкой байкой. Это на тот случай, если вы нечаянно ударите или уроните свой аппарат. Ведь стоит оптической линзе даже слегка удариться обо что-нибудь, полетят во все стороны стекляшки. Аппарат будет испорчен.

Учёных давно привлекала мысль заменить дорогое и хрупкое стекло каким-нибудь другим материалом. Неожиданно выбор пал на пластик. Да, пластик, который мы привыкли

видеть в виде обувных подметок или плит для облицовки пола. Оказалось, что линзы, сделанные из пластика поликарбоната, не уступают по качеству стеклянным и почти не боятся тряски и ударов, так что массивные чехлы им ни к чему.

Стоимость же оптических приборов с новыми линзами в отдельных случаях снижается в шестьсот раз по сравнению со стоимостью таких же приборов, но с обычными стеклянными или кварцевыми линзами.

Благородные металлы и линзы,

которые ценятся на вес золота, конечно, нужно экономить. Но при этом не следует забывать и о других материалах. В первую очередь о железе.

Недавно у берегов Болгарии ошвартовалось необычное судно. Даже бывалые моряки отказывались верить, что его корпус сделан... из бетона. Не верили до тех пор, пока собственными руками не ощутили его борта. Но ещё больше их удивило то, что этот корабль предназначен не для прогулок по спокойной воде озёр и рек. Он 'может безбоязненно выходить в' открытое море. Железобетонные конструкции удалось сделать такими прочными, что шторм им нипочём. Так что с качеством этого судна всё в порядке. Оно даже имеет кое-какие преимущества перед железными,

потому что бетон не ржавеет в морской воде, как это обычно бывает с железными судами. Болгарский кораблестроительный завод имени Георгия Димитрова строит теперь не только бетонные суда, но и плавучие туристские базы, дома отдыха и даже рестораны. Их посетители, потягивая прохладительные напитки и любуясь живописными берегами, даже не подозревают, что под палубными надстройками покоится не привычная стальная основа, а бетонный корпус. Но они мо-

гут не тревожиться, — качество новых судов на высоте.

Итак, качество должно быть экономически оправдано. Нам не нужны «золотые» велосипеды. Это ещё один новый штрих, который мы прибавили к понятию «качество продукции». И, надо сказать, не последний штрих.

«ВЕРТОГРУЗОВИК»

Все вы, конечно, видели вертолёт.

Замечательная машина! Она может приземлиться на любом огороде, на крыше дома, где угодно. Если необходимо, можно взять на борт пассажира даже без приземления. Но есть у «вертогрузовика» один недостаток. Если самолёт с отказавшим двигателем может спланиро-

вать и более или менее удачно приземлиться, то вертолёту хуже — крыльев у него нет, планировать ему не на чем... Поэтому его мотор должен быть особенно качественным, безотказным.

Заглянем на базу, где ремонтируются вертолёты. Что это? Вроде вертолёт, но какой-то необычный. Сплошной комок проводов, разноцветных алюминиевых трубок, каких-то непонятных устройств. Он сейчас очень похож на моллюска, извлечённого из его красивой перламутровой раковины.

Приглядимся к работе авиамехаников. Они не спеша отсоединяют от вертолётного двигателя шланги, тросы, потом подцепляют мотор подъёмником и переносят в угол. Не туда, где стоят новенькие детали, а где свалены в кучу явно испорченные.

— Ставьте это барахло ближе к стенке, чтобы не упал, — говорит один из авиамехаников своим товарищам, — он уже своё отработал.

Да, обращаются с этим мотором явно непочтительно. Наверное, авиамеханики правы. Двигатель вертолёта должен быть абсолютно надёжным, как вы помните. Поэтому только высококачественные моторы могут стоять на вертолётах, а этот отработал положенный срок, вот его и снимают. Значит, мотор, который мы видели, низкого качества?

Не спешите с выводами. Давайте сперва отправимся в Белоруссию, на автомобильный завод. На заводском дворе стоит грузовик. Подъёмный кран поднимает большой ящик, который стоял в кузове, и ставит его на землю. Рабочие с величайшей осторожностью начинают разбирать стенки ящика. По тому, как они это делают, видно, что в ящике важный груз.

— Полегче, полегче, ребята, — просит их пожилой бригадир, — смотрите, ничего не заденьте.

Наконец упаковка разобрана и... что мы видим? Это же наш старый знакомый, тот самый вертолётный двигатель, с которым мы встречались на ремонтной базе.

— Отличная штука, — довольно похлопывают его подошедшие инженеры. Им этот газотурбинный двигатель необходим. Ведь он в несколько раз мощнее любого, даже самого сильного автомобильного мотора.

Автомобилестроители ставят списанные вертолётные двигатели на сверхгрузовики грузоподъёмностью до 120 тонн. Чтобы увезти такой груз, понадобится целая колонна из 40 трёхтонок. А этот колосс со всей работой справится один.

— Но как же так, — спросите вы, — почему двигатель, который авиамеханики назвали никуда негодным, ставится на такой хороший и большой грузовик? Почему авиамеханики его ругают, а автомобилестроители хвалят? Кто из них прав? Правы и те и другие. Для воздушных путешествий мотор действительно плох. Там нужно более высокое качество. Для грузовика же запаса надёжности, которым располагает этот списанный мотор, более чем достаточно.

Значит, одна и та же вещь может быть и качественной и некачественной? Совершенно верно. Здесь мы дошли до новой особенности качества. Оно относительно. И это тоже не последняя его особенность.

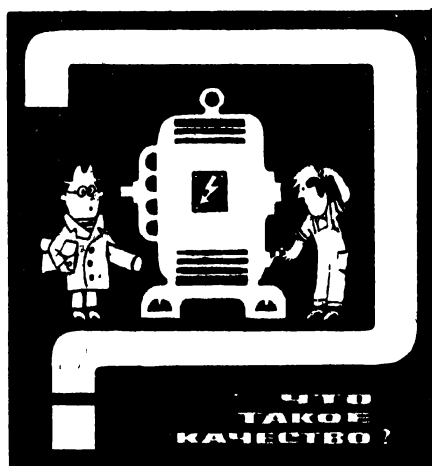
Возможно, вы подумали: если качество относительно, если понятие качества даже при беглом рассмотрении, как снежный ком, обрастает всяческими подробностями, а специалисты не могут окончательно договориться, что же оно собой представляет, как тогда повышать качество продукции: телевизоров, велосипедов, чайников — всего, чем мы ежедневно пользуемся?

Тут нам на помощь приходит стандартизация. Ведь в стандартах записано, каким должно быть качество вещей, ниже какого минимального уровня оно не может опускаться.

Издавна, желая увеличить живучесть машин, люди старались делать трущиеся поверхности как можно более гладкими, чтобы они хорошо скользили. Спросите любого слеса-

ря, и он скажет — чем лучше отполирована втулка, тем она качественнее, тем дольше будет исправно служить.

Долгое время это всем казалось аксиомой. Но вот на одном из наших автомобильных заводов решили сделать образцовый сверхкачественный двигатель. Над его изготовлением трудились лучшие рабочие завода. Снова и снова они с усердием шлифовали и без того сверкающие поверхности мотора, тщательно подгоняли одну деталь к другой. И вот

наконец чудо-двигатель был готов. На его запуск собрались инженеры, руководители предприятия. Рабочий нажал рычаг, все замерли, ожидая, что сейчас мотор заработает. Но напрасно. Мотор с великолепными, идеально гладкими деталями не только не завёлся, — его вал даже не удалось повернуть самому сильному из слесарей. Пришлось двигатель разобрать. Он оказался абсолютно исправным. Что же произошло? Вот тут-то и выяснилось, что не завёлся он именно из-за того, что был слишком... хорош. Его поршни и втулки были так гладки, так плотно пригнаны друг к другу, что между ними совершенно не оказалось смазки. Вот они и встали «намертво», точно их приварили.

Если посмотреть через микроскоп на идеально гладкую, сверкающую поверхность металла, вы не-

ожиданно увидите, что она в действительности неровная. Там, где только что играли в зеркальном блеске металла солнечные лучи, вы увидите горы с высокими вершинами, глубокие ущелья и хребты. Они не видны невооружённым глазом. Лишь иногда, проведя бритвой по полированной поверхности металла, вы можете почувствовать, что лезвие словно за что-то задевает. Но сопротивление так невелико, что можно подумать, — просто показалось. Нет, не показалось. Это вер-

шины микроскопических «гор» зацепились за такие же невидимые зубцы на бритвенном лезвии. То же самое происходит во время работы двигателя, когда одни его детали соприкасаются с другими. В деталях обычных двигателей между «горными вершинами» и «хребтами» течёт машинное масло. А в том, о котором я вам рассказывал, «горы» были выравнены идеально гладкой шлифовкой, впадин тоже не осталось. Маслу было негде задержаться, вот двигатель и не заработал. Как же быть? Ведь если не шлифовать детали, масла на них будет достаточно, но зато «горные хребты» начнут цепляться один за другой, тормозить машину. Если же «горы» уничтожить — еще хуже: мотор вообще не заработает.

Выход нашли ленинградские

учёные из Института точной механики и оптики. Они предложили на стенках хорошо отшлифованных деталей особым способом делать канавки — прокатывать эти поверхности твердым стальным шариком, чтобы создать в них неприметные бороздки. Во время работы машины в этих бороздках скапливается масло. Оно-то и не дает деталям изнашиваться.

Результат этого изобретения оказался блестящим — долговечность двигателя тотчас выросла в два раза. Прекрасное изобретение! Но что, если на одних заводах его будут использовать, будут изготавливать высококачественные двигатели, а на других нет? Не волнуйтесь, этого не произойдёт. Новый способ обработки деталей будет стандартизован, и тогда жизнь моторов удвоится!

Таким образом, стандарты управляют качеством. Они неотделимы от него. Не случайно журнал, который издает Комитет стандартов при Совете Министров СССР, так и называется «Стандарты и качество».

ОРДЕНА ДЛЯ ВЕЩЕЙ

В Москве и в Тбилиси есть фабрики, которые делают мужские носки. Фабрики как фабрики, а продукция разная. В московских носках люди ходили и горя не знали. А носков из Тбилиси хватало ненадолго: поносились неделю-другую — и в мусорный ящик. Может быть, тбилисцы не умели их как следует делать, или, может быть, их носки предназначены только для юга? Ничего подобного. Просто капроновая нить для этих носков поступает на фабрики из разных мест. Москвичи получали хорошее сырьё, а тбилисцы плохое. Но ведь когда мы приходим в магазин, все носки одинаково заманчиво поблёскивают в целлофановых пакетах, кажутся одинаково качественными. Попробуй тут разбери, какие из них хорошие, какие плохие!

И всё же с носками проще — их можно развернуть, посмотреть на свет, если хотите, даже вывернуть

наизнанку, а как быть с вещами, которые не вывернешь? Инструкция по пользованию фотоаппаратом строго-настрого запрещает разбирать его механизм. Сделать это может лишь квалифицированный механик. Как же нам убедиться, что вещь действительно хороша? Стандартизация поможет нам и в этом. Теперь на самой хорошей продукции наших заводов и фабрик ставится государственный «Знак качества». Внешне он похож на вымпел, доставленный советской ракетой на Луну. В центре пятиугольного знака, как крылья взлетающей птицы, раскинулись стрелы, символизирующие чашу весов. Сверху, над самой чашей, написано: «СССР».

Не легко получить такой знак. Целое предприятие, весь его многотысячный коллектив готовится к аттестации как к большому и трудному экзамену. Даже внешне это очень похоже на экзамен. За длинным столом усаживаются члены аттестационной комиссии—крупнейшие учёные, опытные инженеры и, конечно, стандартизаторы, представители Комитета стандартов. Ведь это они, в конечном счёте, должны будут решить, достойно ли изделие «Знака качества». Перед собравшимися выступает главный инженер завода, он рассказывает об особенностях и достоинствах вещи. Его слушают внимательно и, конечно, ему верят, но долг каждого члена комиссии убедиться, что всё так и есть, как он говорит. Поэтому при необходимости изделие проверяют, испытывают его качество. И всё это для того, чтобы каждая вещь со «Знаком качества» была действительно безукоризненна.

Юные фотографы хорошо знают фотоаппарат «Смена-рапид». Этот аппарат неприхотлив в обращении, а снимки даёт такие, какие и на дорогих камерах не всегда получают. Скажу по секрету, что дешёвой «Сменой» я делал гораздо лучшие фотографии, чем купленным позднее

«Зенитом». Внешне «Смена» тоже хороша—её чёрные рифлёные поверхности хорошо сочетаются с серебристым металлическим цветом отделки. Не забыли работники Ленинградского оптико-механического объединения и об удобстве пользования аппаратом. Прежде всего он лёгок. Это особенно важно для туристов и людей, приехавших на отдых, которые не расстанутся с ним.

«Смену» очень удобно держать. Она словно сама просится в руки. Удобно взводится и рычаг затвора—без перехватов и перемены положения. Неудивительно, что «Смена» была удостоена «Знака качества». Если вы увидите на прилавке магазина такую «Смену», можете смело купить. Выворачивать её наизнанку нет необходимости: лучшей гарантией достоинств аппарата является «Знак качества».

Вы можете спросить: «А что же раньше не выпускали высококачественных вещей, что ли?» Выпускали. Но теперь к продукции предъявляются не только технические, но и эстетические требования. Можно создать прекрасный станок, но если он будет не в меру шумным, кто же станет на нём работать?

Машину, издающую слишком сильный шум, нельзя считать высококачественной. Не случайно у новейшего советского межконтинентального лайнера «ИЛ-62» двигатели стоят не на крыльях, как обычно, а вынесены в хвостовую часть самолёта. Во время полёта их рёв как бы уносится воздушным потоком назад. Пассажиры и экипаж чувствуют себя при этом отлично. Шум им не мешает.

С каждым годом всё больше изделий нашей промышленности успешно проходят государственную аттестацию и награждаются «Знаком качества». Так что, возможно, скоро настанет время, когда, не найдя на вещи «Знака качества», мы не только покупать, но даже смотреть на неё не станем.

«РАДУГА» В МУЗЕЕ

В музее ирисов, расположенном на территории Ботанического сада Академии наук СССР, собрано их более семисот видов, хотя ещё недавно специалисты считали, что в нашей стране можно встретить лишь двадцать пять видов. Ботаники искали буквально всю страну в поисках редкостных образцов. Сейчас ирисы из нашего города расселяются в десятки советских городов.

В переводе на русский «ирис» значит «радуга». В самом богатом иридарии планеты эта радуга переливается сотнями оттенков.

ДРЕВНИЕ РИСУНКИ — ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Впервые обнаружены на скалах за Полярным кругом, вдоль чукотской реки Пегтымель, рисунки тысячелетней давности. Они изображают людей, оленей и морских животных. Руководитель археологической экспедиции считает, что этим рисункам около тысячи лет и сделали их предки ныне проживающих на полуострове чукчей.

АТАКУЕТ... ОРЕЛ

Самолёт «АН-2», пилотируемый лётчиком Кудымкарского аэропорта в Коми-Пермяцком национальном округе, возвращался из Гайи в Кудымкар. На высоте четырёхсот метров машину неожиданно атаковал... орёл. Хищник с двухметровым размахом крыльев пошёл на таран, пробил дюралевую обшивку самолёта и застрял в крыле. С большой осторожностью лётчик привёл самолёт с птицей в крыле в аэропорт. Неожиданное нападение закончилось для орла трагически, а самолёт пришлось поставить на ремонт.

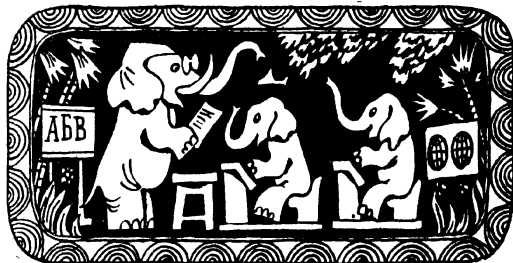
ШКОЛА ДЛЯ... СЛОНОВ

В одном из лесных районов Тайланда, где ведётся добыча тиковой древесины, создана необычная школа. Здесь 150 пятилетних слонят познают секреты будущей профессии — расчистки джунглей, прокладки просек, доставки леса. Через пять-шесть лет они станут настоящими «специалистами».

Сначала слонов обучают командам погонщиков, потом — ходить след в след, проклады-

вать дорогу через густой тропический лес, убирать препятствия. Затем слонов учат перетаскивать срубленные деревья и складывать их в штабель. Старые, уже опытные слоны помогают человеку в школе, передают слонятам свой опыт.

К концу учёбы выросшие слоны с огромными бивнями становятся незаменимыми помощниками на лесоразработках.

...вблизи кишлака Муминабад (Самаркандская область) найден редчайший памятник культуры — флейта, выточенная из кости? Как установили учёные, находке по меньшей мере 5 тысяч лет. Значит, уже в третьем тысячелетии до нашей эры люди знали инструментальную музыку.

...число неграмотных на земле, по мнению учёных, с каждым годом возрастает? Только в Африке неграмотных юношей и девушек в возрасте 15 лет — 4115 тысяч человек.

...в нашем городе есть место, где собран обширнейший материал по истории цирка, и не только отечественного, но и зарубежного? Это — музей циркового искусства. Первый и единственный в мире, этот музей был создан при Ленинградском цирке в 1928 году. Вначале была небольшая любительская коллекция. А сейчас в музее более восьмидесяти тысяч экспонатов. Здесь всё, что относится к цирку, — афиши, плакаты, книги, фотоснимки, рисунки, различные рекламные издания, газетные и журнальные вырезки...

...Государственный музей игрушек в городе Зоннеберг (ГДР) — замечательное хранилище кукол всех времён и народов? Всего в музее около семисот тысяч игрушек. Есть уникальные, например золотая кукла из Древнего Египта, ей уже более четырёх тысяч лет. Считают, что она одна из самых древних кукол на земле.

...уникальную коллекцию — библиотеку-дендротеку, единственную в мире, создал известный лесовод профессор Турский? Массивные полки «деревянной библиотеки» заставлены деревянными книгами. Сотни увесистых и миниатюрных «томов» — обрубки деревьев с обложкой из коры. Он оставил в наследство 600 «изданий природы». Теперь из полках музея-библиотеки при кафедре лесоводства академии имени Тимирязева уже более двух тысяч экспонатов. Это настоящая энциклопедия древесных пород, произрастающих на нашей планете.

...В Ленинградском зоопарке, впервые в Советском Союзе, в семье муравьедов из Южной Америки родился малыш? Рождение муравьеда в неволе — явление весьма редкое. Малыша назвали Аргусом. Вцепившись в длинную шерсть на маминой спине своими крепкими коготками, Аргус доволен решительно всем. Заботливая муравьедиха носила его на себе несколько месяцев.

...белье из... алюминия появилось в продаже в США? Оно сделано из тончайшей алюминиевой фольги с подкладкой из тонкого слоя ламината. В алюминии имеет множество мельчайших отверстий, пропускающих воздух.

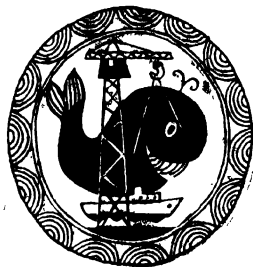
...Иверские пещеры в районе Нового Афона являются одними из красивейших в мире? Сноро увлекательное путешествие в подземное царство сталактитов и сталагмитов можно будет совершить на электропоезде. Дорога уже строится.

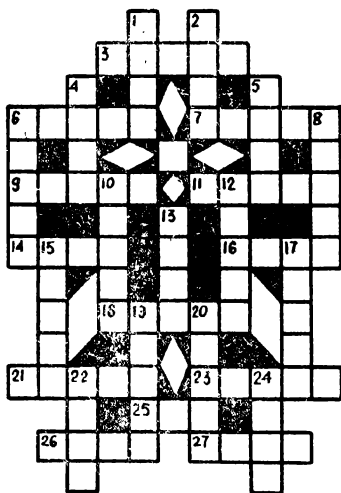

...монета, возраст которой превышает 2200 лет, найдена в Самарканде? На ней хорошо сохранилось изображение головы лошади, а на обратной стороне — одно слово: «Антиох». Это первая такого рода находка на территории древнего городища Самарканда. Находка, по мнению учёных, позволяет утверждать, что денежные знаки находились в обращении в Средней Азии в третьем веке до нашей эры.

...одного из самых крупных голубых китов добыла база «Советская Россия»? Кит весит около 120 тонн. Его длина — 27,1 метра. Размер черепа — 7 метров. Скелет кита передан учёным для научных целей.

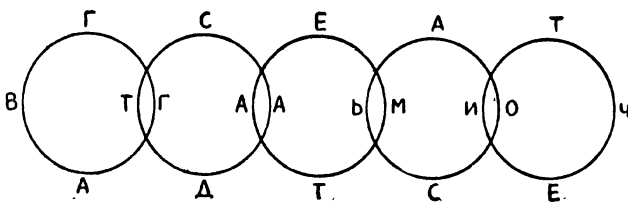

По горизонтали. 3. Огородное и полевое растение. 6. Соцветие большинства злаков, представляющее по виду вытянутую метёлочку на конце стебля. 7. Певчая птица. 9. Государство, расположенное в Африке. 11. Короткий мундир в кирасирских войсках некоторых армий. 14. Светящийся газ, используемый для реклам и афиш. 16. Плотная ткань с мелкими рубчиками. 18. Приспособление для ловли насекомых. 21. Изогнутая железная полоса, служащая для скрепления отдельных деревянных деталей. 23. Река, левый приток Невы. 25. Известный английский мореплаватель. 26. Река на востоке Франции, самый крупный приток Роны. 27. Электромагнитное излучение.

По вертикали. 1. Порода мелких бульдогообразных собак. 2. Суп со свёклой и другими овощами. 4. Количество пойманной рыбы. 5. Геометрическая фигура, образованная двумя лучами, выходящими из одной точки. 6. Единица количества электричества. 8. Водное растение семейства кувшинковых. 10. Результат изнашивания машины, механизма, оцениваемый по изменению размеров, по косвенным признакам. 12. Одна из форм эксплуатации крестьян помещиками в дореволюционной России. 13. Разовое соревнование или серия соревнований в какой-либо спортивной игре. 15. Старейший линейный ледокол арктического флота СССР. 17. Высокогорная страна на юго-востоке Средней Азии. 19. Решающий период боя, заключающийся в стремительном движении наступающих войск. 20. Минерал, разновидность агата с чередованием чёрных и белых слоёв. 22. Произведение Войнич. 24. Плод, состоящий из твердой оболочки и съедобного ядра.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Поверните два кольца вместе с прикрепленными к ним буквами

так, чтобы по горизонтали можно было прочесть фразу.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 8, 9 и 10)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Зимой без шубы не стыдно, а холодно.

СКОЛЬКО ТРЕУГОЛЬНИКОВ

На рисунке изображены 26. всевозможных треугольников.

ЗАДАЧА С ЧАСАМИ

Язык болтает, а голова отвечает.

ОДИН ЛИШНИЙ

Лишний в ряду — параллелепипед. Все остальные изображения являются вещественными предметами.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

Смелость города берёт.

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Агат. 6. Грот. 8. Игуанодон. 13. Делянка. 16. Игрек. 18. Амёба. 21. Искра. 22. Штык. 23. Литр. 24. Арара.

По вертикали. 1. Тали. 2. Табу. 3. Град. 4. Этан. 7. Уния. 9. Год. 10. Ока. 11. Пони. 12. Шина. 14. Ежевика. 15. Камбала. 17. Гурт. 19. Борт. 20. Икра.

КРИПТОГРАММА

Нет тяжелее бремени, чем безделье.

МАЛЕНЬКИЕ РЕБУСЫ

Алфавит. Занавес.

МАЛЕНЬКИЕ РЕБУСЫ

Запятая. Витрина.

Содержание

Утром. Стихотворение Семёна Николаева	1
Голубой Александр Невский	
Рассказ Бориса Водопьянова	2
Страшное происшествие. Рассказ А. Батуева	10
Под утро. Зимние сны. После дождя. Стихи Владимира Орлова	13
2.18. Рассказ Бориса Раевского	14
Облако. Стихотворение Натальи Юрковой	22
На маяке. Рассказ А. Ельнова	23
Слушайте песню перьев. Продолжение повести Николая Внукова	29
Сказки французского народа	41
Верблюд. Стихотворение Семёна Шандлоренко	45
Весёлые стихи Ефима Ефимовского	46
«Майор brave, карман дырявый». Статья О. Туберовской	48
Бег. Стихотворение Владимира Аленикова	53
Что такое качество? Статья Вадима Белоусова	54
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Вочнарёва «Срочный пакет».	
На 2-й странице обложки фотоэтиюд И. Потёмкина «Аврора на вечной стоянке».	
На 3-й странице обложки фотоэтиюд «В первый раз к директору».	
На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Не считай ворон!».	

Редактор В. Л. БИАНКИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 18/IX 1972 г. Подписано к печати 9/XI 1972 г. 4. п. л.
М-54403. Заказ № 921. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского.
Ленинград, Фонтанка, 57

